



ОРКИ,
УМОЛЯЮ,
ХВАТИТ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова
Орки, умоляю, хватит

«Автор»

2026

Кирова М.

Орки, умоляю, хватит / М. Кирова — «Автор», 2026

После смерти в Москве я очнулась в теле орчихи – сильной, зелёной и слишком желанной для мира, где «нет» священно, а страсть не прячут за приличиями. Новый клан принял меня, война людей и орков ждёт за лесом, а молчаливый охотник Дрок смотрит так, будто хочет овладеть мной. Но зачем меня вернули к жизни – и какую цену придётся заплатить за второе сердце?

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ПОСЛЕДНИЙ СВЕТОФОР	5
Глава 2. НЕ МОЁ ТЕЛО	7
Глава 3. БРАТ	11
Глава 4. КЛАН КРОВАВОГО КЛЫКА	15
Глава 5. ПРАВИЛА НОВОГО МИРА	19
Глава 6. АУДИЕНЦИЯ У ВОЖДЯ	23
Глава 7. ПЕРВАЯ НОЧЬ	26
Глава 8. НЕЛОВКОЕ УТРО	29
Глава 9. ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЖЕЛАНИЙ	33
Глава 10. ДРОК	36
Глава 11. ИСПЫТАНИЕ ОХОТОЙ	38
Глава 12. НОЧЬ У КОСТРА	40
Глава 13. СОГЛАСИЕ	43
Глава 14. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ	47
Глава 15. ДНЕВНИК ОРЧИХИ	49
Глава 16. ТАТУИРОВКА	51
Глава 17. ПРЕСЫЩЕНИЕ	54
Глава 18. СТРАТЕГИЯ ИЗБЕГАНИЯ	57
Глава 19. РАЗГОВОР С ВОЖДЁМ	60
Глава 20. ДРОК СНОВА	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Маргарита Кирова

Орки, умоляю, хватит

Глава 1. ПОСЛЕДНИЙ СВЕТОФОР

Светофор мигнул жёлтым. Я нажала на газ.

Было поздно. Часы на приборной панели показывали начало одиннадцатого, а я только выехала с Третьего транспортного – закончила проект на два дня позже дедлайна, потому что заказчица в четвёртый раз передумала насчёт оттенка бежевого. «Тёплый шампань», а не «холодный лён». Я шесть часов перекрашивала рендеры ради разницы, которую никто, кроме меня, не заметит. Дизайнер интерьеров – это человек, которому платят за то, чтобы он мучительно выбирал между двумя оттенками одного и того же, а потом объяснял, почему этот мучительный выбор стоил денег.

Дождь зарядил полчаса назад – мелкий, противный, московский. Дворники размазывали по стеклу грязную воду. В салоне пахло ванильным освежителем, который я купила на заправке месяц назад и с тех пор жалела – приторный, химический, он въелся в обивку. Я думала о том, что завтра суббота и можно будет спать до обеда. Думала о том, что в холодильнике пусто. Думала о том, что мама снова звонила вчера и спрашивала, когда я «устрою личную жизнь» – это её формулировка, аккуратная, как советская салфетка на телевизоре.

– Никогда, мам, – сказала я вслух, сворачивая к перекрёстку. – Никогда я её не устрою, потому что нормальные мужики перевелись, а ненормальных я сама распугиваю.

Стекло запотело. Я протёрла его рукавом. Жёлтый мигнул ещё раз.

Я люблю жёлтый. Честно говоря, это единственный цвет светофора, который что-то обещает. Зелёный – «давай, шевелись». Красный – «стой, приехали». А жёлтый говорит: «Решай сама». Мне нравится решать самой. Я вообще люблю контроль. Поэтому я дизайнер, а не художник. Художники могут себе позволить хаос. Я – нет. Я выстраиваю пространства, в которых всё стоит на своих местах и ни один угол не торчит без смысла. Если бы мою жизнь можно было отрендерить как интерьер – я бы знала, куда поставить диван и какого цвета сделать стены.

Но жизнь – не интерьер. В жизни всегда остаётся угол, который ты не докрасила, потому что не хватило денег, времени, сил или понимания, зачем ты вообще взялась за кисть.

Чужие фары полоснули по глазам.

Я зажмурилась – инстинктивно, на долю секунды. А когда открыла глаза – перекрёсток был уже не пуст. Слева, со стороны проспекта, неслась фура с прицепом. Тяжёлая, огромная, она ехала на красный – не притормаживая, не снижая скорости. Я увидела её боковым зрением: дом на колёсах, который вдруг решил перейти дорогу.

– Да ты охренел, – сказала я.

А потом поняла, что не успеваю.

Время – странная штука. Когда оно кончается, оно вдруг становится густым, как сироп. Я видела капли дождя на лобовом стекле – каждая отдельно. Видела отсвет фар в луже на асфальте. Видела, как дворник замер в середине взмаха. Видела красный сигнал светофора – он горел как глаз, который подмигивает тебе на прощание.

Удар.

Звук был не таким, как я ожидала. Не грохот. Скорее – низкий, глубокий скрежет, как будто земля разошлась по шву и оттуда вырвалось что-то, чего не должно быть снаружи. Машину крутануло. Боковое стекло брызнуло осколками – я почувствовала их кожей, мелкими

уколами по левой щеке. Приборная панель ушла куда-то вверх и вправо. Ремень безопасности вжался в грудь – больно, до хруста.

Потом всё остановилось.

Я висела на ремне. Голова не поворачивалась – что-то мешало, может, подголовник, а может, собственная шея, которая вдруг стала чужой и неподвижной. В разбитое окно затекал дождь – капли падали мне на лицо, холодные, странно отрезвляющие. Пахло бензином и сладковатым запахом – антифриз, наверное. Или кровь. Кровь пахнет сладким, я читала об этом.

«Вот и всё», – подумала я.

Не «помогите». Не «мама». Не «я не хочу умирать». Просто – «вот и всё». Как будто закрыла вкладку в браузере. Как будто выключила свет в комнате, которую больше не нужно красить.

Мне было двадцать семь лет. У меня была квартира в ипотеку, кошка, которую я отдала маме на время ремонта, и диплом с отличием. У меня не было детей, мужа, любовника и даже мало-мальски приличного романа за последние три года. Последний парень, с которым я пыталась встречаться, сказал, что я «слишком много работаю и слишком мало улыбаюсь». Я ответила, что улыбаюсь ровно столько, сколько зарабатываю. Он не оценил.

Теперь уже и не оценит.

Дождь продолжал капать. Я смотрела в потолок машины – серый, тканевый, с маленьким пятном от кофе, которое я так и не отчистила. Пятно было похоже на Австралию. Я подумала, что так и не съездила в Австралию. Не съездила никуда, если честно, дальше Турции.

Потом свет начал меркнуть. Не резко – мягко, как будто кто-то медленно выкручивал лампочку. Боль ушла. Холод ушёл. Осталась только темнота – густая, тёплая, как вода в ванне, где забыли закрыть кран.

И в этой темноте – голос.

Не мужской. Не женский. Просто – голос. Он говорил на языке, которого я не знала, но смысл проступал сквозь слова, как изображение на мокрой бумаге.

– У тебя осталось незаконченное дело.

– Какое дело? – спросила я беззвучно. – Я дизайнер. У меня все дела – законченные. Я сдаю проекты в срок.

– Не там.

– Где – не там?

– Не там ты закончила. Не то ты начала. Ты не договорила. Ты не долюбила. Ты не доделала то, что начала не в этой жизни и не в прошлой. Ты – незавершённая.

Я хотела возразить. Я много чего хотела сказать – я вообще люблю разговаривать, даже когда собеседник – голос в темноте. Но темнота вдруг стала плотнее, тяжелее, она навалилась на грудь, как бетонная плита, и я перестала слышать, перестала думать, перестала быть.

Последнее, что мелькнуло: «Жёлтый. Я ведь ехала на жёлтый. Это ничего не решает. Это просто цвет».

А потом – ничего.

Глава 2. НЕ МОЁ ТЕЛО

Запах.

Первое, что вернулось, – запах. Не ванильный освежитель, не бензин, не антифриз. Что-то густое, зелёное, живое. Прелые листья. Дым костра – далёкий, но отчётливый. Влажная земля. И ещё что-то, чему я не могла подобрать названия: сладковато-терпкий дух, как от раздавленных ягод, смешанных с потом. Не противный. Просто – другой.

Я открыла глаза.

Небо надо мной было чужое. Не просто другое – принципиально другое, как будто я попала в фильм, где цветокоррекцию делал безумец. Вместо синего – глубокий фиолетовый, разбавленный у горизонта розоватой полосой. Облака лёгкие, перьевые, но цвет у них был не белый, а кремово-лиловый, как лепестки ириса. Светило – одно, вроде бы солнце, но оттенок света неправильный: слишком золотой, почти янтарный, как будто кто-то натянул на небо цветной фильтр.

Я села.

Точнее – попыталась сесть. Тело сработало иначе, чем я ожидала: мышцы отозвались слишком быстро, слишком мощно, я буквально взлетела с земли, как будто меня подбросила пружина. Меня качнуло. Я упёрлась руками в землю, чтобы не упасть обратно, – и замерла.

Руки.

Это были не мои руки.

Я смотрела на них, наверное, целую минуту. Может, больше. Время снова стало густым, как тогда на перекрёстке, но теперь оно не пугало – оно просто дало мне возможность рассмотреть то, что я видела.

Ладони – широкие, почти квадратные. Пальцы длинные, с крупными суставами, узкие простыми костяными кольцами, которых я никогда не носила. Ногти – тёмные, зеленовато-серые, крепкие, почти как когти, но аккуратно подпиленные. Кожа. Я поднесла руку ближе к лицу. Кожа была зелёной.

Не бледно-зелёной, не оливковой. Настоящий зелёный – цвет молодой травы, цвет весеннего леса, цвет, который я, Александра Морозова, использовала в интерьерах только как акцентный, потому что в больших количествах он «утомляет глаз». У меня теперь было очень много этого цвета. Он покрывал руки, поднимался к плечам, уходил под одежду – грубую туннику из тёмной ткани, подпоясанную широким кожаным ремнём.

– Так, – сказала я вслух.

Голос. Тоже не мой. Ниже, глубже, с какой-то вибрацией в грудном регистре, которой у меня отродясь не было. Я пропела про себя «до-ре-ми» – получилось «до-ре-ми», но как будто на октаву ниже и с хрипотцой, как у джазовой певицы после бурной ночи.

– Так, – повторила я. – Спокойно. Без паники. Ты дизайнер. Ты умеешь работать с тем, что есть.

Я огляделась.

Лес. Я была в лесу – но не в том, куда москвичи ездят на шашлыки. Деревья огромные, в три-четыре обхвата, с корой тёмно-серой, почти чёрной, покрытой светящимися прожилками – они пульсировали мягким зеленоватым светом, как будто под корой тек не сок, а жидкий неон. Листья – фиолетовые. Не багряные, не осенние. Фиолетовые, как баклажан. Кроны уходили вверх на двадцать, тридцать, сорок метров – трудно было оценить, я никогда не измеряла деревья. С ветвей свисали пряди мха, тоже светящегося, голубоватого, и от этого лес выглядел как гигантская новогодняя ёлка, которую нарядил кто-то с очень странным вкусом.

Земля подо мной – рыхлая, тёмная, усыпанная мелкими растениями, похожими на папоротник. В воздухе летали светящиеся точки – сначала я приняла их за светлячков, но, пригля-

девшишь, поняла, что это какие-то споры или семена, медленно дрейфующие в потоках тёплого ветра. Ветер пах травами, дымом и тем самым сладковато-терпким запахом, который я не смогла опознать сразу. Чуть позже я узнаю, что так пахнут орки.

Стоп.

Стоп-стоп-стоп.

Орки.

Я снова посмотрела на свои руки. Зелёные. С когтями. С костяными кольцами. Потрогала лицо – пальцы нащупали широкие скулы, тяжёлую челюсть, выступающие надбровные дуги. Провела языком по зубам – и чуть не порезалась. Клыки. Два клыка, верхних, выступали вперёд и вниз, как у собаки. Или у волка. Или у орка.

– Нет, – сказала я. – Нет-нет-нет. Я не могла... Это бред. Это кома. Я в коме. Меня сбил грузовик, и я в коме, и это всё – галлюцинация, побочный эффект наркоза, кислородное голодание...

Я попыталась ущипнуть себя за руку. Кожа была толстая, упругая – ущипнуть не получилось. Я попыталась сильнее – бесполезно. Тогда я встала.

И вот тут я по-настоящему испугалась.

Я встала – и мир вокруг меня стал меньше. Нет, не в переносном смысле. В прямом. Я смотрела на куст, который секунду назад был на уровне моих глаз, – теперь он был где-то в районе пояса. Я стояла во весь рост – и этот рост был... сколько? Метр восемьдесят? Девяносто? Я никогда не была высокой. Мой рост был сто шестьдесят четыре сантиметра, и меня это устраивало. Я покупала джинсы в детском отделе и экономила на подшивке брюк. Теперь мир открывался с высоты, с которой раньше на него смотрели только баскетболисты и жирафы.

Я задрала голову. Кроны деревьев, которые раньше были бы где-то далеко вверху, теперь казались ближе. Я протянула руку – и подпрыгнула. Просто так, чтобы проверить. Я подпрыгнула – и взлетела метра на полтора вверх, легко, как на батуте. Приземлилась на обе ноги, даже не покачнувшись. Мышцы сработали сами – пружинисто, мощно, с какой-то животной грацией, которой у меня никогда не было.

– Я орк, – сказала я вслух. – Я, блядь, орк.

И засмеялась. Нервно, с истерическими нотками. Смех получился низкий, раскатистый, совершенно непохожий на мой прежний. Я смеялась и не могла остановиться, потому что абсурд происходящего накрыл меня с головой. Дизайнер интерьеров Александра Морозова, выпускница МАРХИ, владелица ипотечной квартиры и кошки по кличке Сметана, – орк. Зелёный, клыкастый, под два метра ростом, орк. В лесу с фиолетовыми листьями. Под сиреневым небом.

Отсмеявшись, я вытерла лицо тыльной стороной ладони – и заметила на пальцах влагу. Слезы. Я плакала, сама того не заметив. Слезы были прозрачные, человеческие – или оркские, какая разница. Солёные.

– Так, – сказала я в третий раз. – Инвентаризация. Чему меня учили в институте? Если не знаешь, с чего начать, – начни с того, что видишь.

Я вижу: лес неизвестного происхождения. Небо неизвестного цвета. Тело неизвестной расы. Факт первый: я не в Москве. Факт второй: я не в своём теле. Факт третий: я жива, я дышу, я двигаюсь. Факт четвёртый: грузовик меня убил.

Или не убил?

Я помнила удар. Помнила темноту. Помнила голос – «у тебя осталось незаконченное дело». Может быть, это оно и есть? Незаконченное дело – оказаться в теле орчихи в параллельном мире? Очень конкретное дело, ничего не скажешь.

Я начала осматривать себя методично, как осматривают новую квартиру перед ремонтом. Руки – мощные, с рельефными мышцами, которые проступали под кожей при каждом

движении. Плечи – широкие, развёрнутые. Грудь – есть, и немалая, что странным образом успокаивало: хоть что-то от женщины осталось. Талия – есть, не осиная, но выраженная. Бёдра – мощные, явно созданные для бега, прыжков и прочей физической активности, которой я избегала всю предыдущую жизнь.

На левом предплечье – татуировка. Я закатала рукав туники и рассмотрела её подробнее: сложный геометрический узор, нанесённый тёмно-синей краской, – переплетающиеся линии, похожие на кельтскую вязь, но более угловатые, агрессивные. В центре узора – стилизованный клык. Татуировка была старая, выцветшая по краям, явно сделанная не вчера и не позавчера. Это тело жило до меня. У него была история, были привычки, были люди, которые его знали.

Я – захватчик. Или гость. Или... кто?

В висках вдруг запульсировало. Не больно – скорее как будто кто-то включил в голове тихий радиоприёмник. Шёпот. Слова. Язык – незнакомый, но я его понимала. Не умом – телом. Как будто мышцы помнили то, чего разум не знал.

«Вставай. Хватит лежать. Скоро стемнеет. Опасно».

Я закрутила головой. Никого вокруг. Голос был внутри.

– Ладно, – сказала я. – Ладно. Допустим, я в это верю. Допустим, я – орк в параллельном мире, и у меня в голове радио. Что теперь?

Ответ пришёл не из головы – снаружи. Хруст ветки. Тяжёлые шаги. Кто-то шёл через лес – прямо ко мне, не скрываясь, не таясь. Шаги были такие тяжёлые, что я чувствовала их подошвами ног – вибрация передавалась через землю.

Я напряглась. Инстинкты, о которых я не подозревала, проснулись мгновенно: тело само приняло стойку – ноги чуть согнуты, центр тяжести опущен, руки свободны, пальцы полусогнуты, как будто готовы схватить, ударить, разорвать. Я не решала это делать. Тело решило за меня.

Кусты раздвинулись – и на поляну вышел орк.

Он был огромен. Даже по сравнению со мной – огромен. На голову выше, в плечах – как шкаф для одежды, который я когда-то проектировала для заказчицы с сорока парами обуви. Кожа тёмно-зелёная, почти болотного оттенка, испещрённая шрамами – старыми, белёсыми, пересекающими друг друга сложной сеткой. Одет в грубую кожаную броню – наплечники, нагрудник, пояс с металлическими вставками. На поясе – оружие: тесак длиной с мою прежнюю ногу и несколько ножей поменьше. Лицо – тяжёлое, с массивной челюстью, крупным носом и глубоко посаженными глазами. Глаза жёлтые, с вертикальным зрачком, как у кошки. Или у рептилии. Или у орка.

Он остановился в трёх шагах от меня и замер. Смотрел. Я не отвела глаз.

Тишина длилась долго. Потом он заговорил:

– Зарга. Жива.

Язык был чужой – гортанный, рычащий, с обилием согласных. Но я его понимала. Смысл слов проступал сквозь звук, как будто у меня в голове работал переводчик. И одновременно я понимала, что это не перевод. Это память. Память тела, которое знало этот язык с рождения.

Зарга. Он назвал меня Заргой.

– Я... – начала я и осеклась. Мой язык, мой новый язык, вдруг задвигался сам, находя правильные звуки: – Я жива.

Орк кивнул. Медленно, тяжело, как будто движение головы требовало от него усилий. Потом шагнул вперёд – и я инстинктивно напряглась, но он не сделал ничего угрожающего. Просто протянул руку – огромную лапищу с толстыми пальцами – и коснулся моего плеча. Легко. Почти нежно.

– Ты падала, – сказал он. – С дерева. Ударилась головой. Долго лежала. Я искал.

С дерева. Ударилась головой. Значит, это объяснение для моего состояния. Прежняя Зарга – та, чьё тело я заняла, – упала с дерева и, видимо, разбилась насмерть. А потом в тело вошла я. Или что-то в этом роде.

– Да, – сказала я, осторожно пробуя слова на вкус. – Ударилась. Голова... плохая. Плохо помню.

Орк посмотрел на меня внимательно – жёлтые глаза сузились. Он явно заметил что-то необычное в том, как я говорила, как двигалась, как смотрела. Но ничего не сказал. Просто кивнул снова и развернулся.

– Идём. Клан ждёт. Крату волновалась.

Клан. Крату. Слова отзывались где-то глубоко в памяти тела – тёплым, знакомым эхом. Клан – это дом. Крату – это подруга. Самая близкая.

Я пошла за орком. Он двигался через лес уверенно, не оглядываясь, и я старалась не отставать. Новое тело слушалось странно – то слишком резво, то недостаточно быстро, как машина с непривычно чувствительной педалью газа. Я спотыкалась о корни, задевала плечом ветки, один раз чуть не врезалась в ствол дерева – орк, не оборачиваясь, бросил короткое: «Осторожно».

– Как тебя зовут? – спросила я в его широкую спину.

Он остановился. Обернулся. В жёлтых глазах мелькнуло что-то – удивление? Боль? Потом он сказал:

– Горш.

Горш. Брат. Память тела услужливо подсказала значение: старший брат. Не родной по рождению, а брат по крови, по обряду. Горш'та – брат крови.

– Горш, – повторила я, пробуя имя на вкус. – Брат.

Он задержал взгляд на моём лице. Потом уголок его рта дрогнул – не улыбка, скорее тень улыбки, едва заметная.

– Ты правда сильно ударилась, – сказал он. – Идём. Скоро стемнеет. Ночью в лесу ходят те, кого лучше не встречать.

И он пошёл дальше, прокладывая путь сквозь фиолетовый лес, а я пошла за ним, пытаюсь привыкнуть к новому телу, новому миру, новому имени.

Зарга. Меня зовут Зарга.

Александра Морозова осталась где-то в прошлой жизни, на мокром асфальте московского перекрёстка. И судя по всему – навсегда.

Глава 3. БРАТ

Мы шли молча. Лес вокруг становился гуще, темнее – хотя небо ещё не потемнело, но кроны деревьев сплетались так плотно, что фиолетовый свет едва пробивался сквозь них отдельными косыми лучами. В этих лучах танцевали пылинки и те светящиеся споры, которые я заметила раньше. Красиво. Если бы не обстоятельства, я бы сказала – потрясающе красиво. Инопланетно. Как декорация к фильму, бюджет которого превышает ВВП небольшой страны.

Горш шёл впереди. Я смотрела на его спину – широкую, с мышцами, которые бугрились даже под кожаной бронёй, – и пыталась собрать мысли в кучу. Получалось плохо. Мысли разбегались, как тараканы при включённом свете.

Итак. Факты. Я умерла – или почти умерла – в автокатастрофе. Я очнулась в теле орчихи по имени Зарга, в мире, который называется... как? Память тела подсказала: Аргарот. Аргарот – это мир. Мир, в котором живут орки, люди, эльфы и боги знают, кто ещё. Мир, в котором идёт война – давняя, затяжная, на истощение. Война между орками и людьми.

Я – орк. Я на стороне орков. Я – Зарга из клана Грош'Фанг.

Клан Грош'Фанг. Кровавый Клык. Память услужливо подбросила образы: поселение в лесу, большие деревянные дома, украшенные резьбой и костяными тотемами. Кострище в центре, вокруг которого собираются все. Запах жареного мяса и горького пива. Смех, крики, песни. Дети бегают между взрослыми – зелёные, клыкастые, но такие же дети, как и везде: шумные, любопытные, сопливые. Женщины-орки – крупные, мощные, но с плавной, уверенной грацией. Мужчины – ещё крупнее, некоторые с ритуальными шрамами на лицах и руках. И надо всеми – она. Урга Железная. Вождь. Старая орчиха с глазами, которые видели то, о чём другие даже не догадываются.

Воспоминания приходили не как картинки – как ощущения. Тепло. Принадлежность. Дом.

И одновременно – чуждость. Потому что я, Алекс, смотрела на всё это со стороны. Это была не моя жизнь. Это были не мои воспоминания. Я была квартирантом в чужой голове – или в чужом теле, если уж быть точной.

– Горш, – позвала я.

Он не обернулся, но шаг замедлил.

– Что?

– Расскажи мне... о клане. О том, что было. Пока я... пока я лежала.

Он остановился. Обернулся – медленно, всем корпусом, как танк разворачивает башню. Жёлтые глаза смотрели на меня внимательно, и в них читалось то, чему я не могла подобрать названия. Не подозрение. Скорее – печаль.

– Ты не помнишь клан? – спросил он.

– Я помню... – я замялась, подбирая слова. – Я помню тепло. Помню лица. Но они как... как сквозь туман. Как сон, который забываешь утром.

Горш опустил взгляд на свои ладони. Потом кивнул – скорее себе, чем мне.

– Удар головой. Бывает. Пройдёт. – Он снова пошёл вперёд, но теперь говорил на ходу: – Клан стоит у Чёрной реки, на восточном берегу. Тридцать восемь домов. Сорок два воина. Вождь – Урга Железная, ты её знаешь. Или знала. Крату – твоя подруга, она не спала, пока ты лежала. Нарг – командир воинов, он думает, что ты слабая. Ты не слабая. Ты просто другая.

– Другая?

– Ты всегда была другой. Не как все орчихи. Любила сидеть на деревьях и смотреть на небо. Говорила, что когда-нибудь увидишь другой мир. – Он сделал паузу. – Может, увидела.

Я вздрогнула. Что он имел в виду? Знал ли он? Догадывался?

Но Горш больше ничего не сказал. Он просто шёл вперёд, и я пошла за ним, переваривая информацию.

Прежняя Зарга была... какой? Мечтательницей. Орчихой, которая сидела на дереве и смотрела на небо. Которая говорила о других мирах. Может быть, она что-то чувствовала? Может быть, она знала, что однажды уйдёт – и уступит место кому-то другому?

Или, может, она просто упала с дерева. Неудачно. И всё.

Лес начал меняться. Деревья стали реже, между ними появились просветы, заполненные тем самым розовато-фиолетовым небом. Впереди послышался шум – невнятный гул, в котором смешивались голоса, стук металла, потрескивание огня. Запах дыма стал гуще. А потом лес кончился – и я увидела лагерь.

Нет. Не лагерь. Поселение. Настоящая деревня – но такая, какой я никогда не видела на Земле. Дома были построены из толстых брёвен, но не сложены венцами, как срубы в русских деревнях, а скорее вкопаны вертикально, как частокол, и переплетены ветвями, создавая стены, похожие на живые изгороди. Крыши – покатые, покрытые чем-то вроде дранки, но не деревянной, а костяной – огромные плоские пластины, которые переливались в свете костров перламутром. На коньках крыш сидели резные фигуры – звери, птицы, что-то мифическое, с распахнутыми крыльями и оскаленными пастьями.

Улицы – если это можно было назвать улицами – представляли собой широкие утоптаные проходы между домами, посыпанные мелким светлым песком, который отражал свет и делал пространство светлее. В центре поселения горел огромный костёр – высотой в человеческий рост, обложенный камнями, на которых были вырезаны символы. Вокруг костра двигались фигуры – орки, много орков. Одни несли дрова, другие что-то готовили в больших котлах, третьи просто сидели и разговаривали.

И тут я заметила деталь, от которой мои московские мозги на секунду зависли.

У одного из домов, прямо на земле, на расстеленной шкуре, двое орков занимались сексом.

Не в укрытии. Не в темноте. Прямо посреди деревни, в десяти шагах от костра, на виду у всех. И никто – никто – не обращал на них внимания. Орк, проходивший мимо с вязанкой дров, перешагнул через их вытянутые ноги, даже не взглянув. Две орчихи, сидевшие неподалёку, продолжали разговаривать о чём-то своём, жестикулируя и смеясь. Дети пробежали мимо, даже не замедлившись.

Я замерла. Горш, заметив, что я остановилась, обернулся.

– Что?

– Они... – Я не могла подобрать слов. Даже на орочьем языке, который теперь казался родным, у меня не было формулировки для этого. – Они... прямо там...

Горш посмотрел туда, куда я указывала. Потом снова на меня. В его глазах мелькнула едва заметная тень понимания – и растерянность.

– Это Драг и Уна, – сказал он. – Они шаг'ра.

– Кто?

– Шаг'ра. Временные партнёры. – Горш почесал затылок, явно подбирая слово попроще. – Ты правда сильно ударились.

Я не могла отвести глаз от пары, которая продолжала своё занятие с полной невозмутимостью. Они не прятались. Они не стеснялись. Им было всё равно, кто на них смотрит.

– И это... нормально? – выдавила я.

– Это нормально, – подтвердил Горш. – Секс – это потребность. Как еда. Как сон. Зачем прятаться, когда ешь?

Я хотела сказать, что аналогия хромает. Хотела сказать, что в моём мире – в моём прежнем мире – такое было бы невысказано. Хотела сказать, что даже в самых прогрессивных европейских коммунах люди не занимаются сексом посреди деревни на всеобщем обозрении.

Но я промолчала. Потому что я больше не была в своём мире. Я была здесь. И здесь это – нормально.

– Идём, – сказал Горш. – Крату ждёт.

Он повернул к одному из домов – большому, с высокой крышей и особенно искусной резьбой на столбах. На пороге сидела орчиха.

Я сразу поняла, что это Крату.

Она была молода – может, ровесница прежней Зарги, лет двадцать с небольшим. Кожа ярко-зелёная, почти салатная, гладкая, без шрамов. Волосы – тёмно-каштановые, заплетённые в сложную косу, уложенную вокруг головы. Глаза – оранжевые, яркие, живые, с огоньком, который читался даже на расстоянии. Одета она была легче, чем большинство орков вокруг: короткая туника, кожаные штаны, множество браслетов на запястьях – костяных, деревянных, металлических.

Увидев нас, она вскочила на ноги. И бросилась ко мне.

– Зарга! – её голос был высоким, звонким, почти птичьим. – Ты жива, чтоб тебя! Я думала, ты уже того... всё!

Она обхватила меня руками – и я поразились тому, насколько она меньше меня. Прежняя Александра была миниатюрной женщиной, но теперь я смотрела на Крату сверху вниз. Она была ниже меня на полголовы и значительно уже в плечах.

– Я жива, – сказала я, осторожно обнимая её в ответ. Тело помнило это объятие – мышцы знали, как обнимать Крату, сколько силы вкладывать, куда класть руки. – Всё хорошо.

– Хорошо?! – Крату отстранилась и упёрла руки в бока. – Ты упала с дерева, пролежала в лесу три дня, а теперь говоришь «хорошо»?! Ты хоть понимаешь, что я тебя уже хоронила? Что я...

Она осеклась. Пригляделась ко мне. Оранжевые глаза сузились – точно так же, как у Горша до этого.

– Ты какая-то... другая, – сказала она медленно.

– Головой ударилась, – повторила я формулировку Горша. – Много забыла. Но я в порядке.

Крату перевела взгляд на Горша. Тот стоял в стороне, скрестив руки на груди, и молча наблюдал. Они обменялись взглядами – быстрым, неуловимым, – и Крату снова повернулась ко мне.

– Ладно, – сказала она тоном, который означал: «я не верю, но сейчас не время». – Ладно. Раз ты жива – остальное не важно. Пойдём. Тебе нужно поесть, помыться и рассказать мне всё, что ты помнишь. И не помнишь. И вообще.

Она взяла меня за руку – её ладонь была тёплой, сухой, знакомой – и потянула к дому. Я бросила взгляд на Горша. Он всё так же стоял, скрестив руки, и смотрел на меня.

– Спасибо, – сказала я ему.

Он кивнул.

– Я рядом, – сказал он. – Если что.

И остался стоять у входа в дом, как часовой. Как брат, который дал слово защищать – и держит его, что бы ни случилось. Даже если сестра, которую он знал двадцать лет, вдруг стала кем-то другим.

Крату втащила меня в дом. Внутри пахло травами, дымом и чем-то сладковатым – может, сушёнными фруктами. Посередине единственной комнаты горел очаг – открытый, обложенный камнями, с дырой в потолке для дыма. Вокруг очага лежали шкуры и подушки. У стен стояли сундуки, полки с посудой, оружие на крюках – тесаки, луки, ножи. В углу – грубо сколоченная кровать, застеленная мехом.

– Садись, – командовала Крату, подталкивая меня к подушкам. – Сейчас я тебя кормить буду. А ты – говорить. Что последнее помнишь?

Я села. Тело само выбрало позу – скрестив ноги, оперев руки в колени. Удобно. Привычно.

– Я помню... лица, – сказала я осторожно. – Помню тебя. Помню Горша. Помню клан. Но как будто... через плёнку. Всё расплывается.

– А дерево? – Крату сунула мне в руки глиняную миску с чем-то, похожим на кашу с кусками мяса. – Помнишь, как упала?

– Нет. Только... боль. И темноту. – Я попробовала еду. Она оказалась вкусной – густой, пряной, с незнакомыми травами. – А потом – Горш.

Крату села напротив, поджав ноги. Смотрела на меня, не мигая. Потом вздохнула.

– Урга говорила, что так бывает, – сказала она. – Когда душа уходит далеко и возвращается. Она возвращается... другой.

Я чуть не поперхнулась кашей.

– Что? – переспросила я.

– Урга Железная, вождь. Она мудрая. Она говорит, что Аргарот – это мир незавершённых судеб. Иногда сюда приходят души из других миров. Те, кто умер, но не закончил своё дело. Они находят тела – те, что остались без души. И живут дальше. – Крату пожала плечами, как будто говорила о погоде. – Может, ты – такая душа. А может, просто головой ударилась.

Я молчала. Пульс бился так высоко, будто застрял в горле. Значит, они знают. Не все, но Урга – знает. И Крату допускает такую возможность. И Горш... Горш, кажется, тоже.

– И что, – я заставила себя говорить спокойно, – что говорят о таких... душах?

– Ничего. – Крату наклонилась вперёд и вдруг улыбнулась – широко, открыто, с проблеском клыков. – У нас в клане не важно, откуда ты пришла. Важно, кто ты сейчас. Ты – Зарга. Ты – сестра Горша. Ты – моя подруга. Всё остальное – ветер.

Я почувствовала, как напряжение под рёбрами ослабевает. Не полностью – оно никуда не ушло, – но хотя бы немного. Как будто я держала тяжёлую сумку, а кто-то подставил плечо. Не взял сумку – просто помог нести.

– Спасибо.

– Ешь давай, – Крату кивнула на миску. – А то совсем тощая. Тебе ещё силы восстанавливать.

Я послушно начала есть. Крату болтала – о клане, о последних новостях, о том, кто с кем спит, кто родил, кто ушёл на войну. Я слушала вполуха, запоминая имена, связи, события. Где-то на границе сознания память прежней Зарги подсказывала контекст: это тот самый Брок, который охотится на болотных василисков. Это та самая Ругна, которая выиграла состязание по метанию копья три года назад. Это та самая старая Граша, которая знает все травы от всех болезней.

Информация оседала, как ил на дне реки. Я понимала: мне нужно впитать как можно больше. Я чужая здесь, и единственный способ выжить – стать своей.

– Крату, – перебила я её на полуслове. – Расскажи мне о правилах.

– Каких правилах?

– О клане. О том, что можно и что нельзя. О том... – Я замялась, – о том, как у вас всё устроено. Между... людьми. То есть между орками.

Крату посмотрела на меня и вдруг расхохоталась. Смех у неё был залихватый, искренний, как у ребёнка.

– Ты серьёзно?! Ты правда всё забыла! Даже про шаг'ра и гор'ра?!

– Ну, – сказала я, чувствуя, как щёки теплеют (интересно, у орков видно румянец под зелёной кожей?), – допустим.

– Ладно, – Крату уселась поудобнее, явно предвкушая долгий разговор. – Тогда слушай. И не перебивай. Я расскажу тебе всё. С самого начала.

И она рассказала.

Глава 4. КЛАН КРОВАВОГО КЛЫКА

– Первое, что ты должна знать, – Крату подняла палец, – это про «нар'ши».

Она произнесла слово с нажимом, и я почувствовала, как тяжесть под рёбрами отзывается на него. Нар'ши. Память услужливо подсказала: твёрдый отказ. Не «нет, спасибо», не «может, позже», не «я подумую». Именно нар'ши – короткое, рубленое, окончательное.

– Нар'ши, – продолжила Крату, – это главный закон клана. Если кто-то предлагает тебе близость, а ты говоришь «нар'ши» – всё. Конец. Он отступает и больше не предлагает. Никогда. Если он продолжит – его накажут. Если он прикоснётся к тебе после нар'ши – его изгонят. Или убьют. Зависит от того, насколько он был настойчив.

Я кивнула. Это звучало... разумно. Более чем разумно. В моём прежнем мире за изнасилование давали срок – но это если жертва доходила до полиции, если доказывала, если проходила через всё это. А здесь – просто слово. Одно слово – и всё.

– А если я не скажу «нар'ши»? – спросила я. – Если я просто... не хочу?

– Тогда скажи «позже». Или «может быть». Или «я сегодня не в настроении». Он отступит на время. Может, предложит завтра. Может, через неделю. Но если ты не хочешь совсем – говори «нар'ши». Не стесняйся. Никто не обидится. – Крату усмехнулась. – Ну, почти никто. Некоторые молодые обижаются, но это проходит. Как прыщи.

– А что такое «шаг'ра»? – я вспомнила, как Горш назвал ту пару у дома. – И «гор'ра»?

– О! – Крату явно обрадовалась вопросу. – Это просто. Шаг'ра – временный партнёр. Вы встречаетесь – ну, знаешь, – она сделала жест рукой, который был понятен без перевода, – но не живёте вместе. Никто никому ничего не должен. Можешь встретиться раз, можешь десять. Можешь сегодня с одним, завтра с другим. Это нормально.

– А гор'ра?

– Гор'ра – это постоянный партнёр. Вы живёте вместе. Делите дом, еду, детей. Это серьёзно. – Она понизила голос, как будто сообщала секрет. – У некоторых бывает по два-три гор'ра одновременно, но это редко. Обычно – один. Иногда – два. Урга говорит, что гор'ра – это не про секс. Это про жизнь.

– А дети? – спросила я. – Если шаг'ра – временный партнёр, то дети от него...

– Дети рождаются в клан. – Крату пожала плечами. – Они растут здесь, их растят все. Мать, конечно, главная, но помогают все женщины клана. И мужчины тоже. Ребёнок принадлежит клану, а не отцу или матери. Так было всегда.

Я переваривала информацию. В голове крутились обрывки московского воспитания: «секс – это серьёзно», «приличные девушки не спят с первым встречным», «нормальные отношения должны вести к браку». Брак. Забавное слово. Здесь его не было. Здесь были шаг'ра и гор'ра – и ни то, ни другое не было браком в человеческом смысле. Никаких колец, никаких клятв перед алтарём, никакого «пока смерть не разлучит вас». Просто договорённость. Просто жизнь.

– Ты слишком много думаешь, – прервала мои размышления Крату. – У тебя лицо такое, как будто ты пытаешься пересчитать все деревья в лесу.

– Я пытаюсь понять, – призналась я.

– Тут нечего понимать. Это просто есть. Как воздух. Как вода. Ты не думаешь о том, как дышать, – ты просто дышишь. – Она наклонилась ко мне ближе. – Слушай. Я знаю, что ты ударила головой и всё такое. Но тело-то помнит? Тело не забыло, как хотеть?

Я замялась. Честно говоря, я сама ещё не разобралась. Новое тело реагировало на что-то – я чувствовала это, – но не так, как прежде. Иначе. Глубже, что ли. Как если бы у меня внутри был музыкальный инструмент, о котором я не знала, и кто-то иногда дёргал струны – неожиданно, незнакомо, тревожно.

– Тело помнит, – сказала я. – Но... голова мешает.

Крату рассмеялась.

– Голова всегда мешает. Это нормально. Ты найдёшь свой ритм. – Она похлопала меня по плечу. – А пока – держись рядом со мной. Я покажу тебе всё. И предупрежу, если кто-то будет слишком настойчив.

– А такое бывает? Ты же сказала – нар'ши.

– Бывает. – Её лицо на секунду стало серьёзным. – Не в клане, но... орки разные. Из других кланов, путники, охотники. Иногда те, кто не чтит закон. Поэтому, – она понизила голос, – если ты одна и кто-то к тебе подходит, а ты не уверена, – зови Горша. Или меня. Или любого воина клана. Нас здесь все знают. И никто не смеет нарушать закон на нашей земле.

Я кивнула. Это было похоже на... человеческое общежитие, если честно. С правилами, защитой, иерархией. Только без одежды. Или почти без одежды.

Сквозь открытую дверь дома я видела жизнь клана. Орки ходили туда-сюда, занимались делами. Двое молодых парней – совсем юных, может, лет шестнадцати, – боролись на песке, и вокруг них собралась небольшая толпа, подбадривая криками. Орчиха чистила рыбу у соседнего дома, и её движения были такими же точными и уверенными, как у повара в дорогом ресторане. Старый орк с седыми волосами и лицом, покрытым татуировками, сидел у костра и что-то рассказывал детям – они слушали, раскрыв рты.

И везде – везде – были пары. Не все занимались сексом на виду, но многие сидели в обнимку, или держались за руки, или просто лежали рядом, касаясь друг друга. Тактильный контакт здесь был нормой. Не только сексуальный – просто прикосновения. Орки трогали друг друга постоянно: при встрече, при разговоре, при прощании. Как будто кожа была ещё одним языком – и они говорили на нём постоянно.

Я поймала себя на мысли, что мне это... нравится? В Москве я могла неделями никого не касаться. Рукопожатия, случайные прикосновения в метро – и всё. Здесь прикосновения были повсюду, и от этого мир казался теплее.

– О чём задумалась? – Крату толкнула меня локтем.

– О том, как здесь... много касаются друг друга.

– А, это. – Она кивнула. – Мы так общаемся. Прикосновение говорит то, что слова не могут. Вот смотри. – Она положила ладонь мне на плечо – легко, расслабленно. – Это значит «я здесь». А вот так, – она сжала пальцы чуть сильнее, – это «я с тобой, что бы ни случилось». А вот так, – она убрала руку и вместо этого легонько стукнула меня кулаком в плечо, – «ты дура, но я тебя всё равно люблю».

Я засмеялась. Смех получился неожиданно лёгким, почти прежним – Александриным.

– Я поняла, – сказала я.

– Вот и хорошо. – Крату встала, отряхнула колени. – Пойдём. Я покажу тебе клан. Заодно посмотрим, кто из молодых уже положил на тебя глаз. Спорим, что Брок подойдёт первым?

– Какой Брок?

– Охотник. Молодой, симпатичный. Он на тебя засматривался ещё до того, как ты упала. А теперь, когда ты вернулась... – Она подмигнула. – Готова?

Я встала. Тело отозвалось послушно, мышцы перекачивались под кожей плавно и мощно. Я вдруг поняла, что больше не боюсь. Не боюсь этого мира, этих орков, этого тела. Любопытство пересилило страх.

– Готова, – сказала я.

И мы вышли из дома – в солнечный, шумный, пахнущий дымом и травами мир клана Грош'Фанг.

Крату вела меня по центральному проходу, мимо костра, мимо резных столбов с тотемами. Орки оборачивались на меня – одни с улыбкой, другие с любопытством, третьи с тем особым интересом, который я уже начинала распознавать. Несколько человек окликнули меня

по имени: «Зарга!», «Вернулась!», «А мы уж думали...». Я кивала в ответ, стараясь запоминать лица.

У одного из домов сидел Горш. Он не присоединился к нам, но я чувствовала его взгляд – спокойный, тяжёлый, как якорь. Он следил за мной. Не контролировал – охранял. И от этого было странно спокойно.

– Вот кузница, – Крату махнула рукой на приземистое строение, из которого доносился ритмичный звон металла. – Там работает Торг, лучший кузнец к востоку от гор. Если тебе нужно оружие – иди к нему.

– А мне нужно оружие?

– Ты же хочешь стать воином, – Крату посмотрела на меня сбоку. – Или удар головой выбил из тебя и это тоже?

Я запнулась. Прежняя Зарга хотела стать воином? Память тела молчала. Но тяжесть под рёбрами – не память, а интуиция – подсказала: да. Хотела. Или не хотела, но собиралась.

– Я подумаю, – сказала я.

– Думай быстрее. Нарг набирает отряд. Если хочешь попасть к нему – нужно заявить о себе до конца луны.

– А Нарг – это кто?

– Командир воинов. – Крату остановилась у большого дома с изображением оскаленной пасти над входом. – Его дом. Не ходи туда без приглашения. Он не злой, но... суровый. Считает, что женщины должны сидеть дома и рожать детей.

– А Урга? – вспомнила я. – Она же женщина. И вождь.

– Урга – исключение. Она стала вождём, когда убила предыдущего вождя в поединке. – Крату усмехнулась. – После этого никто не говорит, что женщины не могут воевать.

Я хмыкнула. Впечатляло, чёрт возьми. Убила предыдущего вождя. Сама. В поединке.

– Сколько ей лет? – спросила я.

– Пятьдесят. Может, больше. Она не говорит. Но она сильнее большинства молодых воинов.

Мы пошли дальше. Крату показывала мне дома, рассказывала имена, истории, сплетни. Я впитывала информацию как губка. В голове складывалась карта клана: кто с кем, кто главный, кто опасен, кто дружелюбен. К середине дня я знала, что охотник Брок (тот самый, который «положил глаз») специализируется на болотной дичи. Что кузнец Торг потерял жену два года назад и с тех пор не берёт шаг'ра. Что у Нарга, командира воинов, есть дочь, которая сбежала с эльфом пять лет назад, и с тех пор он ненавидит эльфов ещё больше, чем людей.

– А люди? – спросила я, когда мы устроились на отдых у костра. – Что с ними? Война?

Крату долго смотрела на меня. Потом вздохнула.

– Война, – сказала она. – Уже двести лет. Люди считают нас дикарями. Они нападают на наши деревни, жгут дома, берут пленных. Мы отвечаем. И так – по кругу.

– А кто начал?

– Никто не помнит. – Она пожала плечами. – Говорят, люди начали. Говорят, мы начали. Говорят, эльфы натравили нас друг на друга. Но правды никто не знает. Есть только война.

Огонь потрескивал передо мной. Война. Это слово звучало иначе, чем в Москве. В Москве война была где-то далеко – в новостях, в интернете, в чужих странах. Здесь она была рядом. В двух днях пути. И люди – те, к кому я принадлежала когда-то, – были врагами.

– Ты боишься? – спросила Крату.

Я подумала.

– Нет, – сказала я. – Не боюсь. Но я хочу понять.

– Чего тут понимать? – Она горько усмехнулась. – Они нас убивают. Мы их убиваем. Остальное – слова.

Я не стала спорить. В её словах была правда – простая, грубая, как удар тесака. Но я, Александра Морозова, бывший дизайнер интерьеров из Москвы, знала: за каждой войной стоят слова. И за каждым миром – тоже.

И я собиралась узнать, какие слова ведут эту войну. Потому что если я здесь надолго – а судя по всему, так и есть, – я не собираюсь просто выживать. Я собираюсь жить. И жить осмысленно.

Вечером я сидела одна на пороге своего дома. Крату ушла к себе – сказала, что ей нужно «поговорить с одним охотником», и подмигнула. Горш сидел неподалёку, у костра, с другими воинами, но я знала: он видит меня. Он всегда видел.

Солнце – местное солнце, – садилось за деревья, и небо из фиолетового становилось тёмно-сливовым, почти чёрным. Светящиеся точки – споры, семена, кто их разберёт, – танцевали в воздухе, создавая иллюзию движения даже там, где его не было.

Я разглядывала свои руки. Зелёные. Сильные. Чужие. И одновременно – уже немного свои.

– Зарга, – сказала я вслух, пробуя имя. – Меня зовут Зарга.

И под рёбрами щёлкнуло. Не как дверной замок. Скорее как деталь конструктора, которая встала на место.

Я поднялась. Зашла в дом. Села на подушки у очага. И начала систематизировать всё, что узнала за день. Как делала когда-то в Москве, когда начинала новый проект. Информация. Ресурсы. Задачи.

Тело – есть. Сильное, выносливое, тренированное. Навыки – есть, вшиты в мышечную память. Язык – понятен. Культура – радикально иная, но внутренне логичная. Опасности – война, непонимание, возможное раскрытие моей тайны. Союзники – Горш, Крату, возможно, Урга. Цели – выжить, освоиться, понять этот мир.

И ещё одна цель, которую я не решилась бы сформулировать даже для себя, но которая уже пульсировала где-то на задворках сознания: понять, зачем я здесь. Что за «незаконченное дело» привело меня в этот мир. И кто тот голос, который говорил со мной в темноте.

Я заснула под треск огня, под шум леса, под далёкие голоса орков у костра. И после долгих дней – может, впервые за всю жизнь, и эту, и ту, – я заснула без тревоги.

Мне снилась Москва. Но уже не как дом. Как воспоминание. Как фотография, которую убрали в альбом – не выбросили, но и не повесили на стену.

А утром начался второй день моей новой жизни. День, который принёс первые настоящие испытания – и первые настоящие выборы.

Глава 5. ПРАВИЛА НОВОГО МИРА

Проснулась я от того, что кто-то пел.

Голос был низкий, женский, с той самой хрипотцой, которую я вчера обнаружила у себя. Песня звучала где-то снаружи – негромкая, ритмичная, похожая на колыбельную, но с каким-то военным оттенком: слова шли размеренно, как шаги марширующего отряда. Я лежала, слушала, смотрела в потолок – грубые балки, переплетённые ветвями, щели, сквозь которые сочился утренний свет, – и пыталась понять, что я чувствую.

Чувствовала я себя... странно хорошо. Тело было отдохнувшим, мышцы – тёплыми, готовыми к движению. Не было той утренней разбитости, к которой я привыкла за годы московской жизни: никакой затёкшей шеи, никакой тяжести в пояснице, никакого желания нажать на кнопку «отложить» и проспать ещё полчаса. Оркское тело просыпалось иначе – быстро, резко, как двигатель, которому не нужен прогрев.

Я села, потянулась – и чуть не задела рукой потолочную балку. Забыла о росте. Усмехнулась про себя, откинула меховое одеяло, встала.

В доме никого не было. Очаг едва тлел – угли покрылись серым пеплом, но всё ещё дышали жаром. Кто-то (Горш? Крату?) заходил, пока я спала, и подбросил дров – у стены лежала свежая вязанка, а рядом стояла глиняная кружка с водой и миска с чем-то похожим на вчерашнюю кашу. Забота. Молчаливая, без лишних слов.

Я умылась водой из большой кадки в углу – холодная, пахла травами, – провела пальцами по волосам, пытаюсь распутать их без расчёски. Волосы были густые, жёсткие, тёмно-рыжего оттенка, до лопаток. У прежней Зарги явно не было проблем с уходом за ними – они лежали ровно, почти не путались, и я решила, что позже разберусь, чем здесь моют голову.

Завтракала я быстро, без церемоний. Еда была простой, сытной, с незнакомым пряным привкусом, который мне неожиданно понравился. Тело принимало её с благодарностью – я чувствовала, как энергия растекается по мышцам.

Потом я вышла наружу.

Утро в клане было шумным и деятельным. У костра уже собралась группа орков – в основном женщины, но было и несколько мужчин. Они готовили еду в больших котлах, переговаривались, смеялись. Дети носились между домами – маленькие зелёные вихри с клыками и горящими глазами. Двое воинов тренировались на площадке у дальнего конца деревни – звон оружия доносился даже сюда.

Крату я заметила сразу – она сидела у костра с миской в руках и оживлённо беседовала с крупным орком, которого я вчера не видела. Заметив меня, она махнула рукой:

– Зарга! Иди сюда!

Я подошла. Орк, с которым она говорила, обернулся – и я поняла, что это, скорее всего, тот самый Брок. Молодой – может, двадцать пять, – с гладкой ярко-зелёной кожей, без шрамов, что говорило о неопытности в бою. Плечи широкие, руки мощные, на поясе – охотничий нож в кожаных ножнах. Лицо приятное, открытое, с живыми жёлтыми глазами и лёгкой улыбкой, которая стала шире, когда он меня увидел.

– Зарга, – сказал он и слегка наклонил голову – жест приветствия, который я уже видела вчера. – Рад, что ты поправилась.

– Спасибо, – ответила я, садясь рядом с Крату. Та тут же сунула мне миску.

– Ешь. Ты вчера почти ничего не съела. А тебе нужно восстанавливаться.

Я послушно взяла миску, хотя есть уже не хотела. Крату болтала о чём-то – о предстоящей охоте, о том, что Брок вчера принёс отличную добычу, о том, что к вечеру обещают дождь. Я слушала вполуха, а сама наблюдала за Брокком.

Он смотрел на меня. Не настойчиво, не вызывающе – но внимательно, с интересом. И его интерес был мне понятен. Крату вчера говорила, что он «положил глаз» на прежнюю Заргу ещё до её падения. Теперь, когда она «выздоровела», он явно хотел возобновить знакомство.

– Зарга, – сказал он вдруг, перебивая Крату на полуслове, – я хотел спросить...

Крату замолчала и посмотрела на меня с лёгкой улыбкой – дескать, «я же говорила».

– Да? – сказала я.

– Ты... – он замялся, что выглядело странно для такого крупного и уверенного с виду орка. – После того, что случилось... Ты, наверное, ещё не готова. Но я хотел, чтобы ты знала. Я ждал, когда ты поправишься. И если ты захочешь... – он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде не было ни давления, ни похоти – только открытость. – Я буду рад быть твоим шаг'ра.

Я почувствовала, как под рёбрами переворачивается. Не влечение и не отвращение – скорее, острое осознание: это происходит. Вот так просто. Он подошёл и сказал. Без предисловий, без экивоков, без «ты мне нравишься, давай встретимся как-нибудь на кофе». Просто: «я буду рад быть твоим шаг'ра».

И теперь я должна ответить.

В Москве у меня было, наверное, десять разных стратегий для таких моментов. От «я подумаю» до «извини, у меня парень». Здесь – другое. Здесь отказ должен быть прямым, но не обидным. Или не отказ – согласие. Или отсрочка.

Я вспомнила слова Крату про «нар'ши». Но я не хотела говорить «нар'ши». Не потому, что Брок мне нравился – он был симпатичным, по-своему, но я не чувствовала к нему ничего, кроме любопытства. Просто я ещё не разобралась в себе. И отрезать навсегда – это было бы слишком резко.

– Спасибо. Я... польщена. Но я ещё не готова. После удара головой – всё... не так, как раньше. Мне нужно время.

Брок кивнул. На его лице не отразилось ни разочарования, ни обиды.

– Я понимаю, – сказал он. – Когда будешь готова – я здесь.

Он встал, легко коснулся моего плеча – жест «я здесь», которому меня вчера учила Крату, – и пошёл к дому охотников.

Крату подтолкнула меня локтём.

– Ну вот, – сказала она. – Первый. А ты боялась.

– Я не боялась.

– Боялась. Я видела твоё лицо. Ты думала, он будет давить? – Она покачала головой. – Брок не такой. Он хороший. Ждал три недели, пока ты лежала без сознания, ни к кому не подходил. Спрашивал о тебе каждый день. Если бы ты сказала «нар'ши», он бы ушёл и больше не беспокоил. Но ты не сказала.

– Я не знаю, что сказать. Я вообще ничего не знаю. – Я поставила миску на землю. – Крату, я чувствую себя... инопланетянкой.

– Кем?

– Не важно. Слово из моего... из старого сна. – Я потёрла лоб. – Слушай. Ты вчера рассказывала про шаг'ра и гор'ра. Но я хочу понять больше. Не только про секс. Про всё. Как у вас устроена жизнь? Что можно? Что нельзя? Кто за что отвечает?

Крату допила что-то из своей кружки, вытерла рот тыльной стороной ладони и уселась поудобнее.

– Хорошо, – сказала она. – Слушай.

И она начала рассказывать.

За следующий час я узнала многое. Клан Грош'Фанг был матриархальным – это слово Крату не знала, но описала именно такую систему: вождём всегда была женщина, и родство считалось по материнской линии. Женщины владели домами, распределяли еду, принимали решения о перемещениях клана. Мужчины были воинами, охотниками, кузнецами – они обес-

печивали защиту и добычу. Никто не считал один пол выше другого – просто функции были разные.

Браков в человеческом смысле не было. Пара могла объявить себя гор'ра – постоянными партнёрами – и тогда они селились вместе и вели совместное хозяйство. Но никто не заставлял их делать это навсегда. Если через год, через пять лет, через десять лет кто-то из них хотел уйти – он уходил. Дети оставались с матерью, но отец мог видеть их когда угодно.

– А если мужчина хотел уйти, а женщина нет? – спросила я.

– Тогда ему было труднее, – признала Крату. – Потому что дом – её. Но он мог уйти. Никто не держит насильно. Просто... это осуждается. Если ты взял на себя ответственность, а потом бросил – это слабость. Слабость не запрещена, но её не уважают.

Сексуальная культура, которую я уже начала наблюдать, была открытой настолько, что мои московские представления о приличиях трещали по швам. Секс не был табуирован. Его не обсуждали шёпотом. Им занимались там, где удобно, и никто не отворачивался. Но – и это «но» Крату подчеркнула особо – принуждение каралось жесточайше. Нар'ши было священным словом.

– Если ты скажешь «нар'ши», а он продолжит – любой воин клана имеет право убить его на месте, – сказала Крату. – Это закон Урги. И все его знают.

– А если он из другого клана?

– Тогда его убьют и выбросят тело в лес. А его клану отправят голову. – Она сказала это буднично, как о погоде. – Обычно этого достаточно, чтобы больше никто не лез.

Я слотнула. Жёстко. Но эффективно.

– А татуировки? – спросила я, вспомнив узор на своём предплечье и сложные рисунки на лицах старых воинов.

– Татуировки – это знаки. – Крату закатала рукав и показала свою: стилизованный лист на внутренней стороне запястья. – Вот эта значит, что я знаю травы. У тебя на плече – знак охотницы. Прежняя Зарга любила охотиться, хоть и не была воином. Воины носят клык – вот такой, – она провела пальцем по воздуху, очерчивая контур. – Чем больше побед – тем больше клыков. У Нарга их... много.

– А у Горша?

Крату замолчала. Потом сказала тише:

– У Горша были татуировки воина. Он их свёл.

– Свёл?

– Это больно. Очень. Но он сделал это. Когда перестал быть воином. – Она посмотрела на меня. – Он тебе не говорил?

– Нет.

– Значит, не моё дело рассказывать. – Она встала, отряхнулась. – Пойдём. Хватит вопросов на сегодня. Тебе нужно двигаться – тело должно вспоминать себя.

Я встала и пошла за ней. Мы направились к кузнице – Крату сказала, что мне нужно чем-то занять руки, а кузнец Торг всегда рад лишней паре сильных рук. По дороге я думала о Горше. О том, что он свёл татуировки. О том, что он перестал быть воином. О том, что он ничего мне не рассказал.

И о том, что брат – даже если он не родной, даже если он молчит, – может быть ближе, чем кажется. Потому что я чувствовала его присутствие за спиной, даже когда его не было рядом.

Мы подошли к кузнице – низкому строению, из которого валил дым и доносился ритмичный звон. Торг, огромный орк с руками, покрытыми шрамами от ожогов, оглядел меня с ног до головы и молча кивнул на тяжёлый молот у стены.

– Поднимай, – сказал он.

Я взялась за рукоять. Молот был тяжёлый – в моей прежней жизни я бы не сдвинула его с места. Но теперь я подняла его одной рукой. Легко.

Торг хмыкнул.

– Будешь бить, – сказал он. – Вон туда. Ровно. Три часа.

И я начала бить.

Глава 6. АУДИЕНЦИЯ У ВОЖДЯ

Три часа в кузнице пролетели незаметно. Я била молотом по раскалённому металлу, который Торг подкладывал на наковальню, и с каждым ударом чувствовала, как тело вспинает себя. Мышцы работали слаженно, ритмично; пот катился по спине и лицу, но усталости не было – только разогрев, только странное, почти животное удовольствие от физического усилия.

Торг почти не разговаривал. Он показывал, куда бить, – кивком, жестом, иногда коротким рыком. Я понимала его без слов. В какой-то момент я поймала себя на том, что улыбаюсь – глупо, без причины, просто от того, что тело делало то, для чего было создано.

Крату сидела у входа в кузницу, точила нож и болтала с кем-то из проходящих мимо орков. Я не вслушивалась – звон металла заглушал слова.

А потом звон стих. Торг опустил щипцы, вытер лоб и сказал:

– Хватит.

Я отложила молот. Руки гудели приятной усталостью.

– Ты не разучилась, – сказал Торг. – Голова, может, и пустая, а руки помнят.

– Спасибо.

Он не ответил – просто отвернулся к горну, и я поняла, что аудиенция окончена.

Я вышла из кузницы, щурясь от яркого солнца. Крату поднялась мне навстречу.

– Тебя Урга зовёт, – сказала она.

– Что?

– Вождь. Она прислала за тобой. – Крату кивнула в сторону большого дома с изображением оскаленной пасти. – Горш уже там.

Сердце пропустило удар – или мне показалось, что пропустило, в этом теле трудно было отследить такие мелочи. Но под рёбрами сжалось. Урга. Та самая, которая, по словам Крату, знает о «душах, пришедших издалека». Та самая, которая убила предыдущего вождя в поединке.

– Ладно, – сказала я. – Идём.

Дом вождя был самым большим в поселении. Он стоял на небольшом возвышении, и к нему вели выложенные плоскими камнями ступени. На столбах у входа висели черепа – звериные, с длинными клыками и ветвистыми рогами. Под крышей, на перекладине, сидела крупная птица – живая, с тёмным оперением и умными жёлтыми глазами. Она проводила меня взглядом, когда я проходила мимо.

Внутри было сумрачно и прохладно. Окна – узкие щели под потолком – пропускали полосы света, в которых танцевала пыль. Вдоль стен стояли стеллажи с оружием и свитками (свитки! значит, у орков есть письменность). В центре, на возвышении из тёмного дерева, устланном мехами, сидела она.

Урга Железная.

Она была старой – старой для орка, что означало, наверное, лет пятьдесят или больше, – но старость здесь была не увяданием, а уплотнением. Как будто время не разрушало её, а спрессовывало: мышцы стали жёстче, кожа – плотнее, взгляд – тяжелее. Её лицо было покрыто сеткой шрамов и татуировок – сложных, переплетающихся узоров, которые рассказывали историю, неизвестную мне. Волосы – совершенно седые, заплетённые во множество кос, унизанных костяными бусинами. Глаза – тёмно-янтарные, почти коричневые, с вертикальным зрачком, который, казалось, видит насквозь.

Одега она была в длинную тунику из тёмной кожи, расшитую металлическими пластинами. На плечах – наплечники, похожие на звериные черепа. На шее – ожерелье из клыков. Рядом с ней, на подставке, лежал огромный двуручный тесак – оружие, которое явно видело не один десяток битв.

У её ног, на низкой скамье, сидел Горш. Он бросил на меня короткий взгляд и снова устался в пол.

Я остановилась в трёх шагах от возвышения. Крату осталась у входа.

– Зарга, – произнесла Урга. Её голос был низким, глубже моего, и звучал как трещина в камне – медленно, неотвратно. – Подойди.

Я сделала шаг вперёд. Ещё один. Остановилась, не зная, куда девать руки.

– Садись, – она указала на шкуру перед собой.

Я села, скрестив ноги. Тело приняло эту позу как привычную – значит, прежняя Зарга уже сидела здесь раньше.

Урга смотрела не в глаза, а как будто сквозь, куда-то глубже. Мне стало не по себе. Я почувствовала, как её взгляд ощупывает что-то, чего я сама о себе не знала.

– Ты изменилась, – сказала она наконец.

Я не ответила. Память тела подсказывала: перебивать вождя нельзя.

– Твои глаза, – продолжала она. – Раньше в них был огонь. Теперь – зола. Но под золой что-то горит. Новая тяжесть. – Она наклонила голову чуть вбок, и её седые косы качнулись. – Ты знаешь, что с тобой произошло?

Я открыла рот – и закрыла. Что говорить? Что я умерла в Москве под колёсами грузовика? Что я вселилась в тело её соплеменницы? Что я понятия не имею, зачем я здесь и кто решил, что мне нужен второй шанс?

– Ты не обязана говорить, – сказала Урга, и в её голосе прозвучало что-то, чего я не ожидала. Тепло. – Я видела такое раньше. Аргарот – мир для тех, кто не завершил свой путь. Иногда сюда приходят души извне. Редко. Но приходят. Они находят тела, оставленные другими. И продолжают жить.

Пульс бился под языком. Она знала. Она правда знала.

– Ты... – начала я.

– Я не осуждаю, – перебила Урга. – Душа приходит туда, куда её ведут. Если твоя душа пришла в тело Зарги – значит, так было нужно. И телу, и тебе. – Она сжала губы. – Зарга была хорошей охотницей. Но она была... неполной. Она всегда смотрела куда-то вдаль, за лес, за горы. Как будто ждала чего-то. Может быть, она ждала тебя.

– Я не знаю, – сказала я честно. – Я не знаю, почему я здесь. Я умерла. В моём мире. А потом – темнота, голос, и вот я здесь. – Я подняла руки, показала зелёные ладони. – В этом теле.

– Голос?

– Да. Он сказал, что у меня незаконченное дело. Но я не знаю, какое.

Урга кивнула – медленно, как будто услышанное подтверждало что-то, что она уже знала.

– У каждого, кто приходит сюда, есть дело. Ты узнаешь своё. Не сразу. Но узнаешь. – Она перевела взгляд на Горша. – Твой брат знает, что ты изменилась. Он не говорит, но знает. Горш поднял голову. Встретился со мной глазами. И кивнул – коротко, скупно.

– Я знаю, – сказал он. – Мне всё равно, кто ты внутри. Ты – Зарга. Ты – моя сестра.

В горле что-то сжалось. Я заморгала, прогоняя неожиданную влагу из глаз.

– Спасибо, – выдавила я.

Урга подалась вперёд и упёрла руки в колени.

– Теперь слушай, – сказала она. – Ты – в клане Грош'Фанг. Это значит, что ты под моей защитой и под защитой каждого воина. Но это также значит, что у тебя есть обязательства. Клан – это семья. Семья не берёт – семья даёт. Ты получила тело, дом, еду, брата, который тебя защищает. Теперь ты должна дать что-то взамен.

– Что? – спросила я.

– Это ты решишь. – Урга откинулась назад. – Может быть, ты станешь охотницей, как раньше. Может быть – воином. Может быть – чем-то ещё, чего я пока не вижу. Но ты должна найти своё место. Клан не терпит пустых рук.

Я кивнула.

– Понимаю.

– Хорошо. – Она посмотрела на меня ещё раз, долгим, изучающим взглядом. – Я даю тебе время. Три луны. За это время ты освоишься, узнаешь клан, поймёшь, что ты можешь. А потом придёшь ко мне и скажешь, кто ты.

– Скажу, – пообещала я.

– Тогда иди. – Урга взяла с подставки тесак и положила его на колени – жест, означавший, что аудиенция окончена. – И помни: ты не первая душа, пришедшая в этот мир. И не последняя. Ты здесь, потому что заслужила второй шанс. Не потрать его зря.

Я встала. Поклонилась – тело само подсказало, как: правая рука к сердцу, голова опущена. Горш тоже поднялся и встал рядом со мной.

– Я присмотрю за ней, – сказал он Урге.

– Ты всегда присматривал, – ответила она. – Даже когда она была другой.

Мы вышли. За спиной остался сумрак дома вождя, а впереди – яркий день, шумный клан, новая жизнь. Горш шёл рядом молча, и только когда мы отошли достаточно далеко, сказал:

– Ты сказала ей правду.

– Да.

– Это хорошо. – Он потер большим пальцем костяшку на ладони. – Урга не любит ложь.

– А ты?

Он остановился. Посмотрел на меня. В его жёлтых глазах мелькнуло непонятное выражение.

– Я люблю тебя, – сказал он. – А ложь или правда – это неважно.

И пошёл дальше, оставив меня стоять на утопанной земле с открытым ртом.

Глава 7. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Остаток дня прошёл в делах. После кузницы меня отправили помогать Крату с травами – она оказалась не просто знатоком, а чем-то вроде кланового лекаря: собирала травы, сушила их, делала настойки и мази. Я перебирала пучки каких-то душистых растений, связывала их бечёвкой и развешивала под крышей сушильни – маленького домика рядом с кузницей, где было тепло и сухо от жара горна.

Крату болтала без умолку. Она рассказывала о свойствах трав – эта для заживления ран, эта от лихорадки, эта от женских болей, эта для крепкого сна. Я слушала вполуха, запоминая главное. В голове всё ещё звучали слова Урги: «Ты должна найти своё место». И слова Горша: «Я люблю тебя, а ложь или правда – это неважно».

Он сказал это так просто, что я чуть не пропустила смысл. «Я люблю тебя». Не как женщину. Не как шаг'ра. Как сестру. Как ту, кого он защищал всю жизнь. И ему было всё равно, что внутри меня – душа Александры Морозовой из Москвы, которая две недели назад не знала о существовании орков. Для него я была Заргой. Его сестрой. Его семьёй.

Это было странно. И неожиданно тепло.

К вечеру, когда солнце начало садиться за лес, я почувствовала усталость. Настоящую, физическую – ту, что приходит после долгого дня работы. Мышцы ныли, но приятно, как после хорошей тренировки. Я поужинала с Крату и Горшем у общего костра – мясо, запечённое в углях, какие-то корни, густое травяное питьё, отдалённо напоминавшее чай. Потом Горш ушёл к воинам, Крату убежала к своему «одному охотнику», а я осталась одна.

Я вернулась в свой дом.

Тот самый дом, который принадлежал прежней Зарге. Я ещё не до конца освоилась здесь, но уже знала расположение вещей: сундук с одеждой у северной стены, оружие на крюках у восточной, подушки и меха для сна у очага. В углу стоял маленький алтарь – каменная плита с вырезанным символом клыка, перед ней лежали дары: сушёные ягоды, клочок меха, маленький костяной нож. Духи предков? Боги? Я не знала, но решила не трогать – из уважения и к прежней Зарге, и к неведомым силам этого мира.

Я села у очага. Подбросила дров – огонь вспыхнул, и резные стены ожили пляшущими тенями. И начала думать.

Впервые за два дня – по-настоящему думать, без помех, без чужих голосов, без необходимости отвечать на вопросы и притворяться, что всё в порядке.

Я – Александра Морозова. Двадцать семь лет. Дизайнер интерьеров. Выпускница МАРХИ. Владелица ипотечной двушки на «Юго-Западной». Дочь Елены Викторовны, которая звонила по выходным и спрашивала о личной жизни. Владелица кошки Сметаны – трёхцветной, наглой, которая спала исключительно на моей подушке. Я любила фильмы Тарантино, терпеть не могла манную кашу, боялась стоматологов и никогда не прыгала с парашютом.

Я умерла.

Эта мысль наконец дошла до меня во всей своей полноте. Я умерла на мокром московском перекрёстке, под колёсами грузовика, который летел на красный. Моё тело – человеческое тело, с родинкой на левом плече и шрамом от аппендицита, – разбилось вместе с машиной. Мама, наверное, уже всё знает. Квартиру заберёт банк. Кошку заберут соседи – или мама: она обещала. Проекты передадут другим дизайнерам. Жизнь Александры Морозовой закончилась.

Я заплакала.

Слёзы пришли неожиданно – просто потекли по щекам, горячие, крупные. Я не сдерживала их. Сидела у огня, в чужом теле, в чужом мире, и плакала – о себе, о маме, о кошке, о несделанных делах, о несбывшихся мечтах, о том, что так и не съездила в Австралию. О том,

что последний роман закончился полтора года назад глупой ссорой из-за невытой посуды. О том, что я так и не сказала папе, что люблю его, до того, как он ушёл к другой семье.

Я плакала, и слёзы капали на мои зелёные руки – солёные, человеческие. Или оркские. Какая разница.

А потом слёзы кончились.

Я вытерла лицо тыльной стороной ладони и глубоко вздохнула. В груди было пусто – но не давяще, не тоскливо. Просто пусто. Как в комнате, из которой вынесли старую мебель. Можно ставить новую.

Я начала исследовать своё тело. Нет, не так: не эротично и не из праздного любопытства. Скорее так, как осматривают инструмент, который достался по наследству. Я трогала свои руки – мышцы, сухожилия, выступающие вены. Сгибала пальцы – они слушались идеально, с какой-то животной точностью. Провела ладонями по плечам, по груди, по животу – под кожей перекатывались мышцы, плотные, мощные. Я не была культуристкой – я была хищником. Тело, созданное для бега, боя, выживания.

Я тронула свои клыки – провела кончиком пальца по острию. Острые. Ими можно было рвать мясо. Ими можно было убивать. От этой мысли мне стало не по себе – и одновременно тяжесть под рёбрами отозвалась глухим, древним эхом. Тело помнило. Тело знало.

Я осмотрела татуировки, которые достались мне от прежней Зарги. На левом предплечье – сложный геометрический узор, знак охотницы. На правом плече – стилизованная птица, парящая над лесом. На внутренней стороне запястья – маленький символ, похожий на руну: может быть, имя, может быть, оберег. Эти знаки были частью меня теперь. Я не выбирала их, но они были здесь – и мне предстояло решить, что с ними делать.

Я потрогала свои волосы – жёсткие, густые, тёмно-рыжие. Заплела их в неуклюжую косу – пальцы помнили движения, хотя я сама их не знала. Потом разделась – полностью, впервые, – чтобы увидеть всё тело.

В очаге горел огонь. Я стояла в его свете и рассматривала себя.

Я была красивой.

Не в человеческом смысле – в человеческом смысле я была чужой, зелёной, клыкастой. Но в смысле этого мира – да. Тело было пропорциональным, сильным, с выраженной талией и широкими бёдрами. Грудь – полная, но не чрезмерно. Ноги – длинные, с рельефными мышцами. Шрамов почти не было – только пара старых отметин на рёбрах, видимо, от охоты. Кожа была гладкой, тёплой на ощупь, и в свете огня отливала золотисто-зелёным.

Я – орчиха. Красивая орчиха. И это – моё тело. Теперь моё.

Я оделась. Легла на меха, укрылась одеялом из мягкой шкуры. Уставилась в потолок, где плясали тени от огня.

В голове роились мысли – но теперь они были не паническими, как в первый день, а спокойными, аналитическими. Я вспоминала свои проекты в Москве. Как я заходила в пустую квартиру – голые стены, бетонная коробка – и начинала с инвентаризации. Что есть? Какие ресурсы? Какие ограничения? Что можно использовать? Что нужно заменить?

Здесь то же самое. У меня есть тело – сильное, выносливое, с набором вшитых навыков. У меня есть клан – семья, которая меня приняла, не задавая лишних вопросов. У меня есть Горш – брат, который будет защищать меня даже ценой жизни. У меня есть Крату – подруга, которая готова объяснять, помогать, смеяться надо мной и вместе со мной. У меня есть время – три луны, данные Ургой, чтобы найти себя.

И у меня есть вопрос. Тот самый, который я не могла выкинуть из головы: зачем я здесь? Какое «незаконченное дело» привело меня в этот мир?

Может быть, дело в том, чтобы просто жить. Не выживать – а жить. По-настоящему, полной грудью, не откладывая на потом, не соглашаясь на меньшее из страха перед большим. В прошлой жизни я была хорошим дизайнером, но плохим человеком для себя. Я работала

по двенадцать часов, не оставляя времени на друзей, любовь, путешествия. Я красила чужие спальни, но моя собственная была пустой.

Может быть, здесь я научусь обустривать свою.

С этой мыслью я закрыла глаза. За окном стрекотали ночные насекомые – звук, похожий на цикад, но ниже, ритмичнее. Где-то далеко ухал кто-то крупный – может быть, сова, может быть, что-то совсем иное. Лес жил своей жизнью, и эта жизнь больше не пугала меня. Она была чужой – но уже не враждебной.

Я заснула.

Мне снилась Москва. Только теперь она была странной – как будто наложенная на лес Аргарота. Небоскрёбы стояли среди деревьев. Машины ехали по тропам. В метро горели костры, и орки сидели на скамейках, держась за руки. А я – я стояла на перекрёстке, том самом, и ждала зелёного света. Но светофор горел жёлтым – и продолжал гореть, и продолжал, и продолжал.

Я проснулась до рассвета. В доме было темно – очаг почти погас. Я подбросила дров, раздула огонь и села, скрестив ноги.

Решение пришло не как вспышка. Скорее как тихий щелчок, как деталь конструктора, которая встала на место.

Я останусь здесь. Я буду жить здесь. Я стану Заргой – не притворяясь, не играя роль, а по-настоящему. Александра Морозова умерла – да покоится с миром. Зарга из клана Грош'Фанг родилась – и ещё поживёт.

Но я не буду просто Заргой. Я буду Заргой, которая помнит. Которая знает два мира. Которая понимает людей – и орков. Может быть, в этом и есть моё «незаконченное дело»? Может быть, я здесь для того, чтобы стать мостом? Или для того, чтобы понять что-то, чего не поняла там?

Я не знала. Но я решила узнать.

За окном начало светать. Я вышла наружу, на прохладный утренний воздух. Лес стоял в тумане – молочном, густом, подсвеченном розовеющим небом. Где-то пела птица – странным, переливчатым голосом, не похожим ни на одну земную.

Я вдохнула полной грудью – запах трав, дыма, влажной земли. И улыбнулась.

– Ладно, Аргарот, – сказала я вслух. – Давай посмотрим, что ты мне покажешь.

Глава 8. НЕЛОВКОЕ УТРО

Утро началось с Крату.

Она ворвалась в мой дом, когда я только успела умыться, – без стука, без предупреждения, с дымящейся кружкой в одной руке и свёртком в другой.

– Вставай! – объявила она. – Ты проспала всё на свете. Совет клана через час, а ты ещё не ела, не причёсана, и вообще!

– Какой совет? – я вытерла лицо и повернулась к ней.

– Общий совет клана. Собирается раз в десять дней. Обсуждают охоту, войну, новости, споры. Все воины идут, все охотники, все старшие. Урга сказала, чтобы ты была. – Крату сунула мне кружку. – Пей.

Я отхлебнула. Горячее, горьковатое, со странным пряным привкусом – местный аналог кофе, решила я. Или чая. Или того и другого.

– А почему я должна быть?

– Потому что ты – Зарга. Дочь клана. Сестра Горша. Ученица охотницы в прошлом. И вообще. – Крату развернула свёрток – в нём оказалась одежда. – Вот. Это я вчера взяла у Ругны. Её дочь выросла, а ты как раз... ну, у тебя же ничего нет.

Одежда была новой – вернее, новой для меня. Кожаные штаны, мягкие, хорошо выделанные. Широкая туника тёмно-зелёного цвета, с вышивкой по вороту. Пояс с металлическими вставками. Я переделалась при Крату – она даже не подумала отвернуться, и я вдруг поняла, что здесь это нормально. Тело есть тело. Чего его стесняться.

– Отлично, – Крату оглядела меня критически. – Теперь причешишься. Косу заплетай потуже – на совете не место распущенным волосам.

– Почему?

– Традиция. Распущенные волосы – это для дома. Или для шаг'ра. – Она усмехнулась. – Хотя для некоторых шаг'ра – это всегда.

Я заплела косу, насколько смогла, – получилось не так ровно, как у Крату, но сносно. Потом мы вышли.

Совет проходил на площадке у дома вождя. Там уже собралось несколько десятков орков – мужчины и женщины, в основном старшие, с татуировками и шрамами. Воины стояли отдельной группой – я заметила Нарга, высокого орка с суровым лицом и множеством татуированных клыков на плече. Рядом с ним – несколько воинов помоложе. Горш был среди них – он стоял чуть поодаль, но, увидев меня, едва заметно кивнул.

Я встала рядом с Крату, у края площадки. Постаралась быть незаметной – что было трудно с моим ростом и ярко-зелёной кожей.

Урга вышла из дома последней. Она села на своё возвышение, положила тесак на колени и обвела собравшихся взглядом. Гул голосов стих.

– Клан, – сказала она, и это слово прозвучало как приветствие, как напоминание, как приказ. – Начинаем.

Совет длился около часа. Обсуждались вопросы, которые для меня были новыми, а для клана – рутинными. Охотничьи угодья: дичь уходит на север, нужно переносить ловушки. Военные новости: армия людей снова продвигается, несколько пограничных деревень разрушены. Споры: двое охотников не поделили трофей, Урга выслушала обоих и вынесла решение – трофей принадлежит тому, кто нанёс последний удар. Припасы на зиму: зерно и мясо заготовлены, не хватает целебных трав – Крату нужно больше помощников для сбора.

Я слушала и впитывала. Это была не просто сходка – это был механизм. Клан работал как сложный организм, где у каждого была функция.

Потом Урга подняла руку – и все замолчали.

– Ещё одно, – сказала она. – Многие знают, что Зарга вернулась. Она была ранена, долго лежала. Теперь она с нами. – Урга посмотрела на меня, и десятки глаз повернулись следом. – Она будет искать своё место. Пока – она помогает Крату с травами и Торгу в кузнице. Если кто-то хочет взять её в ученики – говорите.

Тишина. Потом поднялся Нарг.

– Я слышал, она была на охоте, – сказал он. Голос у него был резкий, отрывистый. – Говорят, убила зверя. Это правда?

Я не поняла, о чём он. Но Крату пихнула меня локтём и прошептала:

– Тот кабан, полгода назад. Ты завалила его одна. Вспоминай!

– Да, – сказала я вслух. – Убила.

Нарг посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

– Если захочешь попробовать себя в воинах – приходи на площадку. Я посмотрю, что ты помнишь после удара головой.

– Она не пойдёт в воины, – раздался голос Горша. Все обернулись к нему. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на Нарга тяжело. – Она ещё не восстановилась.

– Она сама решит, – отрезал Нарг.

– Да, – сказала я, и оба посмотрели на меня. – Я сама решу.

Урга едва заметно улыбнулась.

– Решит, – подтвердила она. – А теперь – совет окончен. Все свободны.

Толпа начала расходиться. Крату потащила меня в сторону кухонных костров, где уже накрывали завтрак. Мы сели на брёвна, получили миски с едой – и я вдруг поняла, что зверски голодна. Тело требовало топлива после вчерашней работы.

– Ты слышала? – сказала Крату, жуя. – Нарг тебя позвал. Это честь. Он вообще-то считает, что женщины не должны воевать. Но тебя позвал.

– Может, просто проверить хочет.

– Может. Но ты сходи. – Она толкнула меня плечом. – Я бы пошла, но я не воин. Я – травница. А ты... в тебе что-то есть. Я видела, как ты работала в кузнице. Ты сильная. Даже сильнее, чем была.

Я не сразу нашла ответ. Под рёбрами дрогнуло – интерес пополам со страхом. Воин. Эта мысль пугала и манила одновременно.

После завтрака ко мне подошли несколько орков – молодые, примерно моего возраста. Они улыбались, смотрели открыто, и по их лицам я поняла, что сейчас будет.

– Зарга, – сказал первый, коренастый орк с короткими клыками и добрыми глазами. – Я Рагх. Мы не знакомы близко, но я видел тебя раньше. Я рад, что ты поправилась. И... – он замаялся, но ненадолго. – Если ты захочешь – я буду рад быть твоим шаг'ра.

– Я тоже, – добавил второй, повыше и потоньше, с длинными волосами, заплетёнными в косу. – Меня зовут Тарг.

– И я, – добавил третий, совсем молодой, почти мальчишка, с яркими оранжевыми глазами. – Я Крош. Я знаю, что я молодой, но я... ну, я стараюсь.

Крату за моей спиной фыркнула, пытаясь сдержать смех. Я же стояла, переваривая происходящее. Трое. Сразу трое. И каждый – с тем же открытым, честным выражением лица, что и Брок вчера. Никакого давления. Никакой пошлости. Просто предложение.

– Я... – начала я.

– Она ещё не готова, – вмешалась Крату, выходя вперёд. – Вы что, не видите? Она после удара. Дайте ей время.

– Мы не торопим, – сказал Рагх. – Просто чтобы знала.

– Я знаю, – сказала я. – Спасибо. Но пока – нет.

– Нар'ши? – уточнил Тарг.

– Нет. Не нар'ши. Просто... не сейчас.

Они кивнули – все трое, почти синхронно. Потом Рагх улыбнулся:

– Когда будешь готова – я здесь. Я часто у кузницы, помогаю Торгу. Найди меня.

Они ушли. Крату повернулась ко мне и уже не сдерживала смех.

– Трое! – она хлопнула меня по плечу. – Ты популярна, подруга. После того, как ты чуть не умерла, все вдруг вспомнили, какая ты красивая.

– Я не...

– Ты красивая. Смирись. – Она потащила меня прочь от костров. – Пошли. Нужно собрать побольше трав, пока не начался сезон дождей. Заодно расскажу тебе, кто из них кто. Рагх – хороший, добрый. Тарг – молчаливый, но надёжный. Крош – щенок, но старательный. Если захочешь попробовать – рекомендую Рагха. Он нежный.

– Крату!

– Что? – она обернулась, невинно моргая оранжевыми глазами. – Ты же орчиха. Твоё тело хочет. Я вижу, как ты иногда замираешь, когда смотришь на воинов.

Я хотела возразить – и не смогла. Потому что она была права. Тело действительно реагировало. Иначе, чем в Москве, – глубже, острее, настойчивее. Это не было похотью в человеческом смысле. Это было что-то более древнее, более физиологичное, как голод или жажда. Тело орчихи было создано для активной жизни – и во всех смыслах тоже.

Но разум пока не был готов. И я не собиралась торопиться.

– Пошли за травами, – сказала я. – И расскажи мне лучше о войне.

Крату посерьёзнела.

– О войне? Зачем?

– Я должна знать. Если я буду воином – я должна знать.

Она изучала меня без спешки. Потом кивнула.

– Хорошо. Я расскажу. Но не здесь. В лесу. Там легче говорить о плохом.

И мы пошли.

Лес встретил нас прохладой и тишиной. Светящиеся споры танцевали в лучах солнца. Где-то высоко в кронах перекликались птицы. Под ногами хрустел мох – не зелёный, а синеватый, мягкий, как ковёр.

Крату шла впереди, легко находя дорогу среди деревьев. Я – за ней, стараясь не отставать.

– Война идёт двести лет, – начала она, не оборачиваясь. – Никто из живых не помнит, как она началась. Говорят, люди первые напали. Говорят, орки убили их послов. Говорят, эльфы натравили нас друг на друга, чтобы ослабить обоих. Правды никто не знает. Есть только кровь.

Она остановилась у большого дерева с фиолетовыми листьями и начала собирать грибы, растущие на коре.

– Люди считают нас дикарями, – продолжала она. – Они думают, что мы – звери. Что мы не умеем говорить, не умеем думать, не умеем чувствовать. Они убивают наших детей и называют это «зачисткой». Берут наших женщин в плен – и делают с ними такое, о чём я не хочу говорить.

– А орки? – спросила я. – Орки делают такое же?

Крату замолчала. Потом повернулась ко мне.

– Да, – сказала она тихо. – Некоторые – да. Не все. Клан Грош'Фанг не берёт пленных. Мы убиваем в бою. Но другие кланы... – она посмотрела в сторону. – Война – это грязь. Она пачкает всех.

Я села на поваленное дерево. В голове крутились мысли – тяжёлые, как жернова. Значит, с обеих сторон – кровь. С обеих сторон – зверства. Война без правых. Война, в которой нет хороших и плохих – только те, кто убивает, и те, кого убивают.

– Как вы думаете, – спросила я, – это когда-нибудь кончится?

– Урга говорит, что всё кончается, – Крату пожала плечами. – Но я не знаю. Я не видела мира. Мои родители не видели. Их родители не видели. Может, наши дети увидят. Или дети детей.

Она продолжила сбор грибов, а я сидела и смотрела в лес. На деревья, светящиеся прожилками. На споры, танцующие в воздухе. На небо – фиолетовое, чужое, но уже немного родное.

Я думала о том, что сказала Крату. О войне. О грязи, которая пачкает всех. И о том, что, может быть, моё «незаконченное дело» – не просто жить. Может быть, я здесь для чего-то большего. Для чего-то, что изменит этот мир.

Или хотя бы попытается.

– Пошли, – сказала Крату, закончив сбор. – На сегодня хватит. Нужно ещё показать тебе, как делать настойки.

Я встала. Мы пошли обратно – через лес, через синеватый мох, мимо светящихся грибов и фиолетовых листьев. И всю дорогу я думала.

Думала о Нарге, который позвал меня в воины. О Горше, который молча защищает. Об Урге, которая дала мне время. О Крату, которая стала подругой. О Брое, Рагхе, Тарге, Кроше – орках, которые смотрели на меня с интересом, но без настойчивости.

И о том, что я, Александра Морозова, которая неделю назад ехала на жёлтый свет по мокрой московской дороге, – теперь орчиха. В мире, где идёт война. С телом, которое создано для битвы. И с душой, которая ещё не знает, зачем она здесь.

Но узнает.

Обязательно узнает.

Глава 9. ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ЖЕЛАНИЙ

Прошла неделя.

Я начала вести дневник.

Это получилось почти случайно. В кузнице Торг выбросил обрезок мягкой кожи – слишком тонкий для доспеха, слишком неровный для ножен. Я подобрала его, сама не зная зачем. А вечером, сидя у очага, взяла уголёк из костра, остудила его и на первом клочке вывела:

«День седьмой. Или восьмой. Кто считает».

Уголёк писал плохо – крошился, осыпался серой пылью. Но буквы оставались. Русские буквы – потому что писать на орочьем я пока не умела, хоть и понимала устную речь. Никто здесь не прочтает мой дневник. Это успокаивало.

Я писала коротко, отрывисто – не литературу, а факты. Привычка дизайнера: сначала инвентаризация, потом проект.

«Тело: акклиматизация 70%. Мышцы слушаются, реакции быстрее человеческих. Сплю мало, высыпаюсь полностью. Ем много – мясо, каша, травяные отвары. Клыки перестали мешать при разговоре. Когти на ногах – надо подпиливать, растут быстро».

«Клан: дружелюбен. Брат Горш – молчаливый щит. Крату – единственная, кто говорит со мной как с равной. Урга – мудрая, не давит. Нарг – посматривает оценивающе. Остальные – привыкают ко мне заново».

«Предложения шаг'ра: четыре. Брок, Рагх, Тарг, Крош. Всем отказано – не нар'ши. Ждут».

Я перечитала последнюю строчку и задумалась. Четыре предложения за неделю. Для Москвы это был бы рекорд. Для клана – норма. Крату говорила, что после того, как я «очнулась», ко мне присматриваются активнее обычного: во-первых, я чуть не умерла, и это вызывает сочувствие пополам с интересом; во-вторых, прежняя Зарга была довольно закрытой и редко принимала предложения, а теперь все ждали, изменилось ли что-то.

Изменилось. Но не так, как они думали.

Я отложила уголёк и уставилась в огонь. В голове крутился один и тот же вопрос, который я гнала от себя уже несколько дней.

Чего я хочу?

Не «должна». Не «принято». Не «тело просит». А я – Александра, которая сидит внутри орчихи и смотрит на мир сквозь жёлтые глаза. Чего я хочу?

В Москве у меня были отношения. Немного – три романа за десять лет, если считать тот, студенческий, который кончился через месяц. Последний парень, Антон, работал в смежной фирме и был хорош собой в том смысле, в каком хороша мебель из ИКЕА: функционально, приятно глазу, но без души. Мы расстались полтора года назад – он сказал, что я слишком много работаю, я сказала, что он слишком мало зарабатывает. Оба были неправы и оба не жалели.

Секс с Антоном был... обычным. Иногда приятным, иногда скучным. Я никогда не понимала подруг, которые говорили о сексе взахлёб, с горящими глазами и почти шёпотом. Мне казалось, что все преувеличивают. Что в реальности это просто физический процесс – как обед, только с другим набором движений.

Теперь я знала, что ошибалась. Вернее – моё новое тело знало.

Орочья физиология была другой. Я чувствовала это каждый день – по тому, как реагировала на запахи, на прикосновения, на случайные взгляды. В кузнице, когда Торг невзначай задевал моё плечо, показывая, куда бить, по коже пробегала волна тепла – мгновенная, неожиданная. Когда Крату обнимала меня утром, я чувствовала её тепло всем телом, и оно отзывалось где-то глубоко: в мышцах, в костях, внизу живота.

Это не было похотью. Во всяком случае, не той, которую я знала раньше. Скорее – присутствие. Обострённое чувство собственного тела и его возможностей. Как если бы я всю жизнь ездила на «Логане», а теперь пересела на спорткар – и вдруг поняла, что можно разогнаться до сотни за три секунды.

– Ты опять сидишь одна, – раздался голос от двери.

Крату. Она вошла неслышно (орки вообще двигались тихо для своих габаритов) и уселась рядом со мной у очага. Заглянула в клочок кожи, который я поспешно убрала.

– Что это?

– Дневник. Пишу... чтобы не забыть.

– Умно. – Она не стала спрашивать, на каком языке – её это, казалось, не волновало. – И что пишешь?

– Пытаюсь разобраться в себе.

Крату хмыкнула, подбросила дров в огонь.

– Разбираться в себе – это по-человечески, – сказала она вдруг.

Я замерла.

– В смысле?

– Ну, люди всё время рефлексируют. Так мне говорили. – Она пожала плечами. – Орки проще. Мы чувствуем – и делаем. А люди чувствуют – и думают о том, что чувствуют, а потом думают о том, что думают о своих чувствах, а потом идут к жрецу или там к философу и обсуждают это с ним. – Она фыркнула. – Глупо.

Я не ответила. В её словах была доля правды, которую мне не хотелось признавать. Да, я рефлексировала. Да, анализировала каждое своё ощущение. Да, пыталась разложить по полочкам то, что орки просто принимали как данность. Может быть, это действительно была человеческая черта. И, может быть, она не всегда полезна.

– Расскажи мне, – попросила я. – Про тело. Про то, как орки чувствуют... желание.

Крату усмехнулась, но не стала смеяться надо мной.

– Ты правда хочешь знать?

– Да.

– Ну, слушай. – Она улеглась на меха, закинув руки за голову. – Орки – существа с горячей кровью. У нас всё быстрее, чем у людей. Сердце бьётся чаще, кровь бежит быстрее, гормоны играют сильнее. Ты знаешь, что такое гон?

– Гон?

– Период, когда тело хочет больше обычного. У женщин – раз в две луны. У мужчин – когда рядом женщина в гоне. Это как жажда. Ты можешь не пить, но тело будет кричать. – Она повернула голову ко мне. – У тебя гон будет через пару недель. Ты почувствуешь.

Я сглотнула.

– И что делают?

– Что хотят. Если есть шаг'ра – идут к нему. Если нет – ищут. Это не стыдно. Это природа. – Она заметила моё лицо и добавила: – Но ты можешь переждать. Некоторые переживают. Это неудобно, но возможно. Как голод. Ты же не умираешь от голода, если не поешь день? Просто хочется.

Я кивнула. Медленно.

– Значит, тело будет... просить?

– Ещё как. – Крату широко улыбнулась. – Поэтому я и говорю: подумай заранее. Выбери того, кто тебе нравится. Чтобы, когда придёт время, не метаться.

– Ты говоришь так, будто это выбор обеда.

– А что, нет? – Она приподнялась на локте. – Послушай, Зарга. Я знаю, что ты изменилась. Ты думаешь иначе. Может, ты думаешь, что секс – это что-то... особенное. Что нельзя просто так.

– А ты так не думаешь?

– Нет. – Она сказала это без вызова, просто констатировала факт. – Секс – это часть жизни. Как охота. Как еда. Как тренировка. Ты можешь делать это одна, можешь с кем-то. Главное – чтобы тебе было хорошо. Если тебе хорошо одной – будь одна. Но если тело просит, а ты ему отказываешь без причины... – она развела руками. – Зачем мучиться?

Я молчала. Её логика была безупречна – внутри её системы координат. Но моя система координат была другой. Двадцать семь лет жизни в Москве не выкинешь за неделю.

– Я боюсь, – сказала я честно.

– Чего?

– Что если я начну – я не смогу остановиться. Что я потеряю себя. Что я стану... просто телом.

Крату села. Взяла мою руку в свои – её ладони были сухими, тёплыми, шершавыми от работы с травами.

– Слушай меня, – сказала она серьёзно. – Ты – это ты. Твоё тело – это инструмент. Ты можешь использовать его, можешь не использовать, можешь использовать по-разному. Но инструмент не управляет мастером. Ты управляешь инструментом. – Она сжала мои пальцы. – Если ты боишься, что секс изменит тебя, – не бойся. Это просто секс. Вода мокрая, огонь горячий, секс приятный. Это факты. Они не делают тебя хуже или лучше. Они просто есть.

Я смотрела на её лицо: на яркие оранжевые глаза, на кожу без шрамов, на лёгкую улыбку. Она была мудрее меня. Проще – и мудрее.

– Я подумаю, – сказала я.

– Думай. – Она отпустила мою руку, поднялась. – Но не слишком долго. Я видела, как на тебя смотрит Брок. И Рагх. И ещё пара охотников. Они ждут. Но они не будут ждать вечно. Рано или поздно кто-то спросит «нар'ши или нет», и тогда тебе придётся ответить.

Она ушла, а я осталась сидеть у огня с уголёком в пальцах и пустым клочком кожи на коленях.

«Чего я хочу».

Я хочу, чтобы этот мир имел смысл. Я хочу понять, зачем я здесь. Я хочу перестать бояться собственного тела. Я хочу... я хочу, чтобы кто-то смотрел на меня не как на возможность, а как на личность. Даже здесь, даже среди орков, которые не знают слова «личность» в человеческом смысле.

Я вздохнула и начала писать снова – уже не аналитику, а просто мысли. Беспорядочные, обрывочные, честные. О том, как страшно начинать новую жизнь. О том, как одиноко быть единственным человеком (в душе) среди орков. О том, что иногда я смотрю на Горша и думаю: «Ты – чудовище, огромное, зелёное, клыкастое», – а через секунду: «Ты – лучшее, что у меня здесь есть».

Я писала, пока уголёк не истёрся в пыль. Потом спрятала кожу под матрас и легла спать.

Ночью мне снилось, что я бегу через лес. Тело двигалось легко, мощно, с какой-то звериной радостью. Я перепрыгивала корни, уворачивалась от веток, и ветер свистел в ушах. За мной кто-то гнался – но я не боялась, потому что это была игра. Погоня, в которой догоняющий не желает зла.

Я проснулась с бешено колотящимся сердцем. В теле гудела энергия – незнакомая, острая. Я лежала в темноте и пыталась успокоить дыхание.

Кажется, Крату была права. Тело просыпалось. И скоро мне придётся считаться с ним – хочу я этого или нет.

Глава 10. ДРОК

Он появился на восьмой день.

Я работала в кузнице – Торг наконец доверил мне не просто бить молотом, а помогать с настоящей работой: держать заготовку щипцами, пока он наносил тонкий узор по краю. Мы почти закончили, когда в дверях кузницы возник силуэт – высокий, поджарый, с луком за спиной.

– Мир этому дому, – сказал он негромко.

– Мир, – отозвался Торг, не оборачиваясь. – Дрок. Давно не заходил.

– Охота, – коротко ответил тот и прошёл внутрь.

Я подняла глаза от наковальни.

Он был... другой. Не такой, как большинство орков в клане. Выше среднего, но не массивный – скорее жилистый, с длинными мышцами, которые перекатывались под кожей при каждом движении. Кожа тёмно-зелёная, как старый мох, с сеткой мелких шрамов на руках – не боевых, а от шипов и когтей, следы охотничьей жизни. Волосы тёмные, почти чёрные, собраны в низкий хвост, перехваченный кожаным шнурком. Лицо – скуластое, с крупным носом и небольшими клыками, которые почти не выступали за линию рта. Глаза – тёмные, карие, а не жёлтые, что было редкостью среди орков, и от этого его взгляд казался глубже, спокойнее, мягче.

Он не был красивым в том смысле, в каком был красив Брок – открытой, яркой, почти плакатной красотой. Он был... интересным. Лицо, в которое хотелось вглядываться.

– Ты Зарга, – сказал он, останавливаясь в двух шагах от меня.

– Ты Дрок, – ответила я в тон.

Уголок его рта дрогнул.

– Я слышал, ты вернулась. И что ты другая. – Он говорил спокойно, без вызова. – Не знаю, другая или нет, но смотришь ты так же.

– Как?

– Как будто видишь больше, чем тебе показывают.

Я не нашлась, что ответить. Торг хмыкнул и сказал, не поднимая головы:

– Хватит болтать. Если пришёл – помогай. Вон тот мех, раздувай горн.

Дрок повесил лук на крюк и взялся за мех. Мы проработали в кузнице ещё пару часов – Торг ковал, я держала, Дрок качал воздух. Говорили мало. Но эта тишина не была неловкой – скорее удобной, как бывает между теми, кому не нужно заполнять паузы словами.

Потом Торг отпустил нас, и мы вышли вместе. Солнце уже садилось – небо наливалось густым фиолетовым, у горизонта розовело.

– Спасибо, – сказал Дрок. – За помощь.

– Это ты помогал, – возразила я.

– Я качал мех. Это не помощь, это разминка. – Он упёр ногу в нижнюю перекладину верстака и хмыкнул. – Ты давно в кузнице?

– Неделю.

– Хорошо. Руки сильные. – Он посмотрел на мои ладони – не облизывая взглядом, а оценивающе, как мастер смотрит на инструмент. – Из тебя выйдет хороший кузнец. Или воин.

– Или охотник, – сказала я, вспомнив татуировку на предплечье.

– Охотник – лучше, – отозвался он, и в его голосе прозвучала тёплая нотка. – Лес – он честный. Зверь не предаёт. Он просто хочет жить, как ты. Кто победил – тот и прав.

Мы шли через лагерь. У костра Крату махала мне рукой, но, увидев Дрока, опустила ладонь и только многозначительно подняла брови. Я сделала вид, что не заметила.

– Ты давно охотишься? – спросила я.

– С десяти лет. Сначала с отцом, потом один. – Он бросил на меня короткий взгляд. – Ты охотилась раньше. До падения. Говорят, хорошо стреляла.

– Я... не помню.

– Помнишь, – сказал он уверенно. – Тело помнит. Ты просто не пробовала.

Мы остановились у моего дома. Дрок посмотрел на резной столб у входа – на нём был вырезан символ охотницы, птица с распахнутыми крыльями.

– Завтра я иду в лес, – сказал он. – На восточный склон. Там сейчас хорошая охота – кабаны вышли из болот. Если хочешь – идём со мной.

– Приглашаешь?

– Предлагаю. – Он улыбнулся – скупой, одними глазами. – Ты можешь отказаться.

Я не отводила взгляда. Он не давил. Он не ждал, что я соглашусь из вежливости. Он просто предлагал – как равный равному. И это подкупало больше, чем все комплименты Брока и Рагха вместе взятые.

– Хорошо, – сказала я. – Во сколько?

– На рассвете. Я буду у ворот. – Он кивнул и пошёл прочь – не оглядываясь, не задерживаясь. Спокойной, пружинистой походкой человека, который привык ходить по лесу один.

Я зашла в дом. Села у очага. Долго смотрела в огонь.

Крату не заставила себя ждать – влетела через пять минут, глаза горят.

– Это был Дрок! – выпалила она с порога.

– Правда? А я думала, это был Торг в юбке.

– Не ёрничай. Дрок – лучший охотник клана! Он никогда не подходит к женщинам! Никогда! Я уж думала, он вообще... ну, сам по себе. А тут – сам, первый!

– Он не подходил, – сказала я. – Просто позвал на охоту.

– На охоту! – Крату всплеснула руками. – Зарга, ты понимаешь, что у орков «пойти на охоту вдвоём» – это почти то же самое, что «пойти в постель»? Охота – это доверие. Ты доверяешь ему свою жизнь, он – свою. Это больше, чем секс.

– Я не знала.

– Теперь знаешь. – Она плюхнулась рядом. – И что ты думаешь?

Я подумала. О его глазах – тёмных, спокойных. О том, как он сказал «лес честный». О том, что он не сделал ни одного намёка, не бросил ни одного оценивающего взгляда. О том, что рядом с ним было спокойно – как с Горшем, но иначе. С Горшем – как за каменной стеной. С Дроком – как у костра в холодную ночь.

– Я думаю, что пойду, – сказала я.

Крату улыбнулась – широко, довольной.

– Ну наконец-то, – сказала она.

Глава 11. ИСПЫТАНИЕ ОХОТОЙ

Рассвет в Аргароте был розово-лиловым – солнце вставало медленно, окрашивая туман в странные пастельные тона, каких я никогда не видела на Земле. Я стояла у ворот поселения, кутаясь в кожаную куртку, которую одолжила Крату, и ждала.

Дрок появился бесшумно – просто вышел из тумана, как будто туман сам решил стать орком. На нём была лёгкая охотничья броня – кожаные наплечники, пояс с ножами, высокие сапоги из мягкой шкуры. Лук за спиной, колчан со стрелами у бедра. В руке – второй лук, поменьше.

– Держи, – сказал он, протягивая его мне. – Старый, но бьёт точно.

Я взяла лук. Пальцы легли на рукоять – и я почувствовала, как тело отзывается. Да. Помнит. Вот это ощущение натянутой тетивы, вот это положение рук, вот это усилие в плече. Превья Зарга стреляла. И стреляла хорошо.

– Спасибо.

– Идём.

Мы вошли в лес. Утренний туман стелился по земле, скрывая корни и мелкий подлесок. Дрок шёл впереди – легко, бесшумно, находя дорогу без видимых усилий. Я старалась не отставать. Новое тело слушалось всё лучше – я уже не спотыкалась на ровном месте, но до его кошачьей грации мне было далеко.

Лес жил. Птицы перекликались в кронах. Где-то далеко трещали ветки – кто-то крупный продирался сквозь подлесок. В воздухе висел запах влажной земли, грибов и того самого сладковато-терпкого аромата, который я чувствовала в первый день.

Мы шли молча. Дрок не пытался развлекать меня разговором – и это было хорошо. Я могла сосредоточиться на ощущениях: на том, как ноги сами находят опору среди корней, как уши ловят малейшие звуки, как ноздри раздуваются, втягивая запахи леса. Тело вспоминало. Тело знало.

Через час ходьбы Дрок остановился, поднял руку.

– Слышишь? – спросил он шёпотом.

Я прислушалась. Сначала – ничего. Потом – хруст. Тяжёлый, ритмичный. Кто-то крупный топтался впереди, за полосой кустов.

– Кабан, – сказала я, и слово пришло само.

– Да. Крупный. – Дрок посмотрел на меня с лёгким интересом. – Готова?

– К чему?

– К охоте. – Он снял лук с плеча. – Я боюсь. Ты стреляешь.

Я хотела возразить – «я не помню, как», «я давно не стреляла», «а вдруг промажу». Но тело уже натягивало тетиву, и возражения застряли в горле.

Мы двинулись вперёд – медленно, пригнувшись. Кусты расступились, и я увидела его.

Кабан был огромен. Даже по меркам земных кабанов – а земные кабаны рядом с ним показались бы поросятами. Высотой мне по грудь, с мощным загривком, покрытым жёсткой щетиной. Клыки – два изогнутых жёлтых кинжала, каждый длиной с мою ладонь. Он рыл землю у корней дерева и не замечал нас.

Я подняла лук. Руки двигались сами – наложить стрелу, натянуть тетиву, прицелиться. Дыхание замедлилось. В голове – пустота, чистая, звонкая. Только зверь. Только расстояние. Только точка за лопаткой, куда должна войти стрела.

Я выстрелила.

Стрела пошла ровно – но в последний момент кабан дёрнулся, почуяв что-то, и стрела вонзилась не за лопатку, а в бок. Зверь взревел – низко, яростно – и развернулся к нам.

– Уходи влево! – крикнул Дрок.

Но тело уже двигалось. Я отпрыгнула в сторону, перекатилась по земле, вскочила на ноги. Руки сами выхватили охотничий нож из петли на поясе. Кабан нёсся на меня – огромный, быстрый, с горящими от ярости глазами.

В Москве я бы замерла. Или закричала. Или побежала бы – и он догнал бы меня в два прыжка.

Но тело Зарги знало, что делать.

Я ушла вбок в последний момент – кабан пронёсся мимо, обдав меня запахом щетины и мускуса. Я ударила – нож вошёл ему в бок, туда, где уже торчала стрела. Зверь споткнулся, проехался по земле, разбрасывая листья и мох. Попытался встать – и не смог.

Дрок подошёл. Добил зверя одним точным ударом. Потом повернулся ко мне.

– Ты цела?

Я дышала тяжело. Пульс бился так высоко, будто застрял под языком. Но я кивнула.

– Цела.

– Хорошо. – Он оглядел кабана. – Первый выстрел – на четвёрку. Ушла с линии атаки – на пятёрку. Удар ножом – на тройку, но для первого раза сойдёт.

– Для первого раза? – я всё ещё не могла отдышаться. – Я же... я же охотилась раньше.

– Раньше – да. Но сейчас ты другая. Я видел: ты забыла, как держать лук. А потом тело вспомнило. – Он присел над тушей, начал свежевать – быстро, умело, без лишних движений. – Это интересно.

– Что именно?

– То, что тело помнит, а голова – нет. – Он поднял на меня глаза. – Ты не просто головой ударилась, правда?

Я молчала. Дрок вытер нож о траву и встал.

– Я много хожу по лесу, – сказал он. – Я вижу следы. Слышу голоса ветра. Знаю, когда зверь ранен, а когда притворяется. – Он шагнул ко мне. – Ты не Зарга. То есть ты Зарга, но внутри – другая. Это не моё дело. Но если захочешь рассказать – я слушаю.

Он развернулся и пошёл обратно к тропе, взвалив тушу кабана на плечо, как будто она ничего не весила.

Я постояла секунду, глядя ему в спину. Потом пошла следом.

– Спасибо, – сказала я тихо.

– За что?

– За то, что не спрашиваешь.

Он кивнул, не оборачиваясь.

– Когда захочешь – скажешь. А пока – просто иди рядом.

И я пошла. Рядом. Через лес, через туман, через утро, которое пахло кровью и победой. В груди что-то дрожало – не страх, не влечение. Новая тяжесть. Что-то, чему я пока не могла подобрать названия.

Глава 12. НОЧЬ У КОСТРА

Охота удалась – общая, не только наша. Три группы вернулись к вечеру с добычей: двумя кабанами, несколькими крупными птицами и зверем, похожим на оленя, только с чешуёй вдоль хребта. Клан готовился к пиру.

Костёр в центре поселения развели выше обычного – пламя взлетало на три метра, бросая оранжевые отблески на резные столбы и лица орков. Вокруг костра составили брёвна, расстелили шкуры, принесли большие кувшины с орочьим пивом – густым, горьким, пахнущим травами и дымом.

Я сидела между Крату и Горшем. Крату без умолку рассказывала что-то про травы и про то, как Нарг сегодня похвалил новобранцев (редчайший случай). Горш молчал, пил пиво и смотрел в огонь.

Дрок сидел напротив, через костёр. Он тоже молчал – но иногда поднимал глаза и ловил мой взгляд. И каждый раз я чувствовала лёгкий толчок – не сердцебиение, скорее короткую вибрацию, как будто где-то глубоко в груди дёргали струну.

– Ты смотришь на него, – шепнула Крату мне на ухо.

– Я на всех смотрю.

– На всех ты смотришь, а на него – смотришь. – Она хмыкнула. – Я же говорила. Дрок – это не просто так.

Я отпила пива, чтобы скрыть смущение. Пиво было горьким, крепким – гораздо крепче, чем я ожидала. После нескольких глотков голова закружилась приятно, и внутренние «тормоза», которые я таскала за собой из Москвы, начали потихоньку отпускатся.

Пир шёл своим чередом. Мясо жарили на углях, нарезали большими кусками, раздавали всем желающим. Орки ели руками, смеялись, пели. Двое молодых воинов устроили борцовский поединок прямо у костра – толпа подбадривала их криками и хлопками. Кто-то принёс бубен, кто-то – костяную флейту, и скоро вокруг костра начались танцы.

Я смотрела на танцующих и чувствовала, как отпускает напряжение последних дней. Впервые с момента перерождения я не думала о том, кто я и зачем. Я просто была. Просто сидела у костра, пила пиво, слушала музыку, чувствовала тепло огня на лице.

Дрок поднялся со своего места и обошёл костёр. Остановился рядом со мной.

– Можно?

Я кивнула. Он сел справа, на свободное место.

– Как рука? – спросил он. – После лука?

– Нормально. Тело помнит.

– Я видел. – Дрок провёл пальцем по старому шраму на запястье. – Ты хорошо двигалась в лесу. Не как новичок.

– Спасибо, что взял меня.

– Ты сама взяла себя. Я только показал дорогу.

Он говорил негромко, но его голос странным образом пробивался сквозь шум пира – низкий, спокойный, как басовая струна. Я повернулась к нему. В свете огня его лицо казалось резче, суровее, но глаза оставались тёплыми – тёмно-карими, почти чёрными, с отблесками пламени.

– Ты не такой, как другие, – сказала я.

– Какой?

– Ты не... предлагаешь.

Он усмехнулся.

– А ты ждёшь?

– Нет. То есть... – Я запнулась. Пиво давало о себе знать. – Я не знаю, чего я жду.

– Это честно, – сказал он. – Большинство не знает.

Некоторое время мы просто сидели рядом. Вокруг танцевали орки – грузные, но пластичные, их движения были тяжёлыми и одновременно текучими, как у больших кошек. Флейта выводила простую мелодию, бубен отбивал ритм.

– Я слышал, тебе делали предложения, – сказал Дрок. – Брок, Рагх, Тарг... Крош, кажется.

– Да.

– И ты всем отказала.

– Не нар'ши. Просто «не сейчас».

– Почему?

Я повернулась к нему. Он смотрел на меня прямо, без вызова, без подколки. Просто хотел понять.

– Потому что я ещё не готова, – сказала я. – Потому что я только... пришла в себя. Потому что я не знаю правил. Потому что...

– Потому что ты не хочешь просто секса, – закончил он за меня.

Я замолчала. Он попал в точку.

– Ты хочешь, чтобы это что-то значило, – продолжил он. – Не любовь. Не гор'ра. Но что-то. Чтобы человек, который касается тебя, видел тебя. А не просто тело.

– Да, – сказала я тихо. – Наверное, так.

Дрок кивнул.

– Понимаю. – Он взял кружку, отпил. – Я тоже такой. Поэтому я редко подхожу. Большинство орчих хотят простого. Это не плохо – просто по-другому. А я... мне нужно, чтобы было о чём молчать потом.

Я смотрела на него: на то, как он говорил – медленно, тщательно подбирая слова; на то, как его руки держали кружку – спокойно, уверенно; на то, как отблески огня играли на его шрамах.

– Ты красивая, – сказал он вдруг. – Но не это главное. Главное – ты смотришь. Ты смотришь на мир, как будто видишь его впервые. Это редкость. Орки привыкают. А ты – нет.

– Я действительно вижу его впервые, – сказала я, и это было правдой. Больше правдой, чем он мог себе представить.

– Значит, тебе повезло. – Он поставил кружку. – Завтра я снова иду в лес. Если хочешь – приходи к воротам на рассвете.

– Опять кабаны?

– Нет. Завтра я просто иду. Иногда я хожу без цели – смотреть, как меняется лес. Это трудно объяснить.

– Не трудно, – сказала я. – Понимаю.

Он улыбнулся – впервые по-настоящему, уголками глаз, – и моё сердце пропустило удар. Или не пропустило – в этом теле трудно было отследить. Но тяжесть под рёбрами дрогнула – мягко и тепло.

– Тогда до завтра, – сказал он и поднялся.

– До завтра.

Он ушёл – легко, бесшумно, как и всё, что он делал. А я осталась у костра, глядя в огонь и думая о том, что только что произошло.

Он не предложил. Он не намекнул. Он просто говорил со мной – как человек с человеком. И это оказалось важнее, чем я ожидала.

Крату, которая, оказывается, всё это время подслушивала, подседа ближе.

– Ну, – сказала она. – И что ты думаешь?

– Я думаю, – сказала я, – что он мне нравится.

– Нравится? – она театрально прижала руку к груди. – С ума сойти. Зарга сказала «нравится» про мужчину. Впервые за всё время, что я тебя знаю.

– Я серьёзно.

– Я тоже. – Она улыбнулась. – Дрок – хороший. Лучший, может быть. Я бы сама к нему подошла, но он не смотрит в мою сторону. А на тебя – смотрит.

– Ты правда так думаешь?

– Я видела, как он смотрит на тебя. Не как на добычу. Как на загадку, которую хочется разгадать. – Она пихнула меня локтём. – Для такого, как он, это больше, чем предложение шаг'ра.

Я удержала улыбку. Под рёбрами грелось – мягко, уютно. Как уголёк, который ещё не разгорелся, но уже светится.

Ночь тянулась долго. Пир продолжался, но я уже устала – устала от шума, от разговоров, от впечатлений. Я встала, попрощалась с Крату и Горшем и пошла к себе.

В доме было тихо. Очаг едва тлел. Я легла на меха, но заснуть не могла – слишком много мыслей крутилось в голове.

Дрок. Охота. Его слова: «Мне нужно, чтобы было о чём молчать потом». Это было так точно, так по-человечески, что у меня щемило в груди. Он был орком – клыкастым, зелёным, покрытым шрамами, – но он понимал то, чего не понимали многие люди в моём прошлом мире. Что близость – это не про тела. Это про то, что остаётся после.

Я прикрыла глаза. Перед внутренним взором встало его лицо – скуластое, с тёмными глазами и скупой улыбкой. Я вспомнила, как он смотрел на меня у костра – прямо, открыто, без игры.

И я поняла, что завтра пойду к воротам на рассвете.

Не потому, что тело просило. Не потому, что Крату советовала. А потому, что я хотела. Сама. После долгих дней – сама.

С этой мыслью я заснула. И мне ничего не снилось – только темнота, густая и тёплая, как вода в полной ванне.

Утром будет новый день. И Дрок будет ждать у ворот.

Глава 13. СОГЛАСИЕ

Три дня.

Три дня я просыпалась на рассвете и шла к воротам, где меня ждал Дрок. Три дня мы ходили в лес – не столько охотиться, сколько бродить, смотреть, молчать. Он показывал мне следы зверей – я училась читать их заново. Он рассказывал о повадках лесных тварей – я слушала, впитывала, запоминала. Иногда мы стреляли по мишеням, которые он вырезал из коры, – и тело вспоминало старые навыки быстрее, чем я ожидала.

Дрок не торопил. Он вообще не заговаривал о том, что было между нами – или чего не было. Он просто был рядом. Спокойный, молчаливый, с тёплыми карими глазами и скупой улыбкой, которая появлялась редко, но метко.

А на четвёртый день я поняла: хватит ждать.

Это было не решение. Это было скорее знание – как будто что-то под рёбрами созрело и перестало болеть. Я следила за тем, как Дрок застывает наконечники стрел у костра: за его длинными пальцами, за тем, как он морщится, когда искры попадают на кожу, – и вдруг поняла, что хочу его. Не как орчиха – как женщина. Не потому, что тело просило, – тело просило уже давно, – а потому, что он был... он. Дрок. Охотник, который говорит с лесом. Который сказал: «Мне нужно, чтобы было о чём молчать потом».

Я подошла к нему после ужина. Он сидел у малого костра на окраине поселения – в стороне от общего шума, – и что-то вырезал из куска дерева маленьким ножом.

– Можно? – спросила я.

Он кивнул, не поднимая головы. Я села рядом. Помолчала. Потом сказала:

– Я подумала.

– О чём? – он отложил нож и повернулся ко мне.

– О твоём предложении.

– Я не делал предложения, – напомнил он.

– Знаю. Но ты сказал – «если захочешь, приходи на рассвете». Я приходила три раза. Сегодня я пришла сейчас. – Я посмотрела ему в глаза. – Я хочу. Не шаг'ра. Не знаю, как это называется. Просто... я хочу быть с тобой.

В его тёмных глазах плясали отблески огня, и я почти видела, как он подбирает ответ.

– Ты уверена?

– Да.

– Это не потому, что тело просит?

– Тело просит, – признала я. – Но я не тело. Я – это я.

Он кивнул. Встал. Протянул мне руку – ладонь вверх, открытую. Я вложила свою ладонь в его, и мы пошли к его дому.

Дом Дрока стоял на отшибе, у самой кромки леса, – маленький, но добротный, с крышей из тех самых перламутровых костяных пластин. Внутри было чисто, просто: очаг, постель из мехов, оружие на стенах, связки сушёных трав под потолком. Ничего лишнего. Ничего случайного.

Он закрыл дверь – деревянную, тяжёлую, на кожаном ремне. Повернулся ко мне. И мы остались одни – впервые за всё это время, по-настоящему одни, без клана за стеной, без Крату с её шуточками, без Горша с его молчаливой опекой.

– Ты можешь остановить меня в любой момент, – сказал он. – Просто скажи.

– Я знаю.

Он шагнул ко мне.

Дрок не начал с ласки. Он начал с проверки. Поставил меня спиной к стене, упёр ладони по обе стороны от моих плеч и наклонился так близко, что его дыхание легло мне на губы горячим звериным паром.

– Последний раз спрашиваю, – сказал он низко. – Ты пришла сама?

– Сама.

– Хочешь меня?

– Да.

– Хочешь по-орочьи, Зарга? Не мягко. Не так, как ты привыкла в своём мире. Я не сломаю тебя, но вести буду я. Если скажешь «нар'ши» – остановлюсь сразу.

В этом было что-то страшнее нежности. Не угроза – власть, которую он не брал без разрешения. Я слышала собственное дыхание, слышала, как в очаге потрескивают ветки, и понимала: сейчас решает не тело за меня. Я решаю.

– Хочу, – сказала я. – Веди.

Он ударил ладонью по стене рядом с моей головой – не по мне, рядом, заставляя сердце рвануться к горлу. Потом взял меня за подбородок, заставил поднять лицо и поцеловал. Жёстко. Без просьбы быть удобной. Его клыки задели мою губу, и вкус крови оказался не болью, а знаком: я здесь, живая, выбирающая.

Он сорвал с меня верхнюю завязку туники, но не рванул дальше, пока я сама не подняла руки. Только тогда ткань ушла на пол. Его взгляд прошёл по мне тяжело, почти грубо, и я впервые не захотела прикрываться. Пусть смотрит. Пусть видит зелёную кожу, шрамы, чужие кости, тело, которое я ещё училась называть своим.

– Красивая, – сказал он. Не ласково. Как признают силу хорошего оружия.

Я усмехнулась, но звук сломался, когда он подхватил меня под бёдра и понёс к мехам. Не бережно – уверенно. Он бросил меня на постель так, что из мехов поднялся запах дыма и зверя, а потом навис сверху, тяжёлый, горячий, огромный. Руки удержали мои запястья над головой. Я могла бы вырваться. Наверное. Но не хотела.

– Скажи ещё раз, – потребовал он.

– Да.

Этого оказалось достаточно. Дрок накрыл меня всем телом: коленом развёл мои ноги, ладонью скользнул ниже по животу, проверяя, готова ли я, и только когда я выгнулась ему навстречу, позволил себе больше. Он не был нежным. Он был внимательным. Разница оказалась огромной. Жёсткие пальцы, горячий рот, приказы шёпотом – повернись, держись, смотри на меня – и каждый раз пауза, короткая, почти незаметная, чтобы я могла остановить.

Я не остановила.

Когда наши тела соединились, я вскрикнула – не от боли, от силы ощущения. Всё оказалось ярче, грубее, глубже, чем в человеческом теле. Дрок замер, сжав зубы, и я увидела, как тяжело ему сдерживаться.

– Нар'ши? – спросил он сквозь дыхание.

– Нет, – выдохнула я и вцепилась ногтями в его плечи. – Сильнее.

Он подчинился не сразу. Сначала посмотрел мне в глаза – проверил. Потом его контроль изменился: стал резче, властнее, честнее. Меха сбивались под нами, стена принимала на себя глухие удары, в очаге осыпались угли. Я отвечала ему всем телом, уже не пытаюсь быть аккуратной, женственной, московской. Орочья кровь шумела в ушах, и вместе с ней поднималось что-то моё, настоящее, давно задавленное приличиями и чужими ожиданиями.

Дрок держал меня крепко. Не как вещь. Как равную силу, которую можно прижать к земле только потому, что она сама этого хочет. И когда удовольствие накрыло меня, я не спрятала лица. Я смотрела на него и позволила себе сорваться громко, хрипло, почти зло.

Он кончил следом, уткнувшись лбом мне в плечо, и несколько ударов сердца просто дышал, тяжёлый, горячий, всё ещё удерживая меня так, будто мир снаружи мог ворваться и отнять эту ночь.

Потом мы лежали рядом, глядя в потолок, где плясали тени от огня. Дыхание выровнилось. Сердце замедлялось. В теле была приятная, глубокая усталость – как после хорошей тренировки, только с другим оттенком.

Я повернула голову. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел вверх. На его лице не было самодовольства – только спокойствие.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да. – Я искала точные слова и не нашла. – Я ожидала другого.

– Лучше или хуже?

– По-другому. Я не знала, что тело может так... – Я запнулась, подбирая слово. – Отзываться.

– Это потому, что ты не сопротивлялась, – сказал он просто. – Ты позволила себе чувствовать. Многие не позволяют. Они думают – «стыдно», «неприлично», «а что подумают». Ты – нет.

– Я не орк, – сказала я тихо. – В смысле... я орк, но внутри – нет. Я из другого мира. Я умерла там и родилась здесь. В этом теле.

Я не планировала говорить. Слова вырвались сами – может быть, потому что он заслужил правду. Может быть, потому что после того, что между нами было, врать казалось неправильным.

Дрок повернулся ко мне. В его тёмных глазах не было ни удивления, ни испуга.

– Я знаю, – сказал он.

– Что?!

– Не знаю подробностей, – он пожал плечом. – Но я вижу. Ты двигаешься не так, как орчиха, которая выросла в клане. Ты смотришь на вещи, как будто видишь их впервые. Ты говоришь – и иногда замолкаешь, подбирая слова, как будто переводишь с другого языка. – Он протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. – Ты – Зарга, но ты – не та Зарга. Я понял это в первый день в кузнице.

– И тебе всё равно?

– Мне не всё равно, – сказал он. – Но это не меняет того, что я... – он запнулся, так же как я минуту назад, подбирая слово. – что ты мне нравишься. Ты – та, кто ты есть сейчас. Не та, кем ты была раньше.

Я почувствовала, как к горлу подступает комок. Глупо. Сентиментально. Но я ничего не могла с собой поделать.

– Спасибо, – сказала я хрипло.

– За что?

– За то, что не спрашиваешь. За то, что не боишься. За то, что ты – это ты.

Он улыбнулся своей скупой улыбкой – одними уголками глаз.

– Это не заслуга. Это просто я. – Он чуть склонил голову, будто соглашался сам с собой.

– Ты расскажешь мне когда-нибудь? О том мире?

– Расскажу, – пообещала я. – Когда буду готова.

– Хорошо. Я не тороплю.

Мы лежали и слушали ночь. За окном стрекотали насекомые, где-то далеко ухал зверь, в очаге оседал пепел. Дрок не произносил слов, которые принято запоминать навсегда. Не клялся, не обещал, не просил меня принадлежать ему. Может быть, поэтому рядом с ним было легче дышать.

Эта ночь не стала ответом на всю мою новую жизнь. Она стала первым честным «да» после длинной череды чужих решений. Да – телу. Да – желанию. Да – миру, где близость началась не с права, а с вопроса.

Я заснула, положив голову ему на плечо. Мне приснился лес – утренний, туманный, с каплями росы на фиолетовых листьях. Мы с Дроком шли рядом и ничего не говорили.

Этого хватало для той ночи. Не для вечности. Но для той ночи – да.

Глава 14. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

После Дрока сдвинулось равновесие.

Не во мне – в клане. Как будто новость о том, что Зарга наконец согласилась на шаг'ра, разнеслась со скоростью лесного пожара. Я не знаю, кто рассказал – может быть, Крату, может быть, сам Дрок, может быть, кто-то из соседей заметил, что я вышла от него на рассвете. Но факт оставался фактом: на следующее же утро ко мне подошли снова.

И не один.

Первым был Брок – тот самый молодой охотник, который ждал моего ответа ещё до Дрока. Он поймал меня у кузницы, когда я вышла после утренней работы, и заговорил без обиняков:

– Я слышал, ты была с Дроком.

– Была, – подтвердила я.

– Это не нар'ши? – уточнил он. – То есть ты не против шаг'ра вообще, ты просто ждала подходящего?

– Вроде того.

Брок кивнул, как будто подтверждая что-то для себя.

– Тогда, – сказал он, – если ты захочешь ещё кого-то – я здесь. Я не Дрок. Я не буду молчать о том, о чём он молчит. Но я буду добр к тебе. И я ждал долго.

Передо мной было открытое лицо, яркие жёлтые глаза, никакой обиды на то, что я выбрала не его первым. В его логике это было нормально. Не было очереди. Не было соревнования. Было просто – «я здесь, если захочешь».

– Я подумаю, – сказала я.

– Думай. Я никуда не уйду.

Вечером того же дня ко мне подошёл Рагх – тот коренастый орк с добрыми глазами, который представился мне на совете клана. Он не ходил вокруг да около. Просто сказал:

– Зарга. Я знаю, что ты была с Дроком. Я не против. Если захочешь – приходи ко мне. Я хорошо готовлю. И у меня есть медовые лепёшки.

– Медовые лепёшки? – переспросила я, не сдержав улыбки.

– Моя мать научила. – Он развёл руками. – Я не охотник, не воин. Я просто Рагх. Но у меня есть лепёшки.

Я засмеялась. Честно, открыто – как не смеялась со времён жизни в Москве.

– Хорошо, Рагх. Я запомню.

Он кивнул и ушёл, насвистывая что-то себе под нос.

На следующий день – Тарг. Молчаливый, длинноволосый, с медленными движениями и внимательным взглядом. Он подошёл ко мне, когда я сидела у реки и смотрела на воду, и просто сел рядом. Некоторое время мы молчали. Потом он сказал:

– Я не умею говорить, как Дрок. И лепёшек у меня нет. Но если тебе нужен кто-то, кто просто будет рядом, – я могу.

– Просто рядом?

– Просто рядом. Без слов. Без условий. Если захочешь – шаг'ра. Если нет – просто рядом.

Я поймала его взгляд. Та же честность, что и у остальных. Никакого скрытого умысла. Никакой игры.

– Спасибо. – Я запомню.

Он кивнул и остался сидеть. Мы смотрели на реку вместе – молча, без напряжения. И это было хорошо.

Через три дня я зашла к Броку.

Это было не так, как с Дроком. С Дроком была глубина – эмоциональная, почти болезненная в своей остроте. С Броком было... легко. Он был молодым, энергичным, чуть суетливым – но в его прикосновениях была искренняя радость, почти детская. Он смеялся, когда у него что-то не получалось. Он спрашивал: «Тебе удобно? А так? А вот так?» – и не обижался, когда я поправляла его. После мы лежали, и он рассказывал мне о болотной охоте – о том, как однажды на него напал василиск и он спасся только потому, что споткнулся о корень и упал в грязь.

– Василиск думал, что я мёртвый, – говорил он, оживлённо жестикулируя. – А я лежал в грязи и думал: «Ну, хоть не съел».

Я смеялась. С ним было смешно. С ним было тепло.

Через несколько дней после встречи с Броком я согласилась на приглашение Рагха. И не пожалела – лепёшки действительно оказались отменными, а сам Рагх был нежным и заботливым, как я и ожидала. Он не говорил о войне, не говорил о лесе. Он говорил о еде, о доме, о том, как хорошо, когда кто-то приходит и остаётся на утро.

– Я не такой сильный, как Дрок, – сказал он, когда мы лежали под тёплым меховым одеялом. – И не такой весёлый, как Брок. Но я... надёжный. Со мной можно быть слабой. Если ты захочешь.

– Ты хороший, Рагх, – сказала я. – Правда.

Он улыбнулся – и в его улыбке было столько благодарности, что у меня защемило сердце.

Тарга я не торопила. Мы продолжали сидеть у реки – иногда молча, иногда перебрасываясь редкими фразами. А потом, одним тёплым вечером, я сама взяла его за руку – и мы пошли к нему. С ним было так же, как тогда у реки: спокойно, медленно, без лишних слов. Он не задавал вопросов. Он просто был рядом – и этого оказалось достаточно.

Крату наблюдала за всем этим с видом кошки, которая слопала сметану.

– Ну, – сказала она однажды вечером, когда мы сидели у общего костра. – Ты прошла путь от «я не готова» до «дайте мне всех» за две недели. Впечатляет.

– Я не «дайте мне всех», – возразила я. – Я просто... пробую.

– Пробуешь, – согласилась она. – И это правильно. Как ты узнаешь, какой чай вкуснее, если не попробуешь разные сорта? – Она отхлебнула из кружки. – Кстати, Крош спрашивал о тебе.

– Крош? Тот молодой?

– Тот самый. Глаза горят, руки трясутся. – Крату усмехнулась. – Я сказала ему, чтобы подождал. Ты сейчас в фазе «открытия», а он – щенок. Ему нужна орчиха попроще.

– Спасибо, – сказала я искренне.

– На здоровье. Я же твоя подруга. Кто-то должен присматривать за твоим расписанием.

Я засмеялась и пихнула её плечом. Мы сидели у костра, смотрели на звёзды – чужие, незнакомые, но уже почти родные, – и молчали. И это было хорошо.

Потому что после долгих дней я чувствовала, что живу. Не выживаю – живу. Полной грудью, всем телом, всем сердцем.

Глава 15. ДНЕВНИК ОРЧИХИ

Мой дневник разросся. Кожаные лоскуты, исписанные угольком, я прятала под матрасом, а когда их стало слишком много, сшила их бечёвкой в грубую тетрадь. Крату, увидев это, сказала, что так делают эльфы, и принесла мне нормальные чернила – густую тёмно-синюю жидкость в глиняном пузырьке, сделанную из каких-то ягод. Писать стало легче.

Я садилась писать по вечерам, когда дела были сделаны, а гости расходились. Записывала не события – их я помнила. Записывала мысли.

«Прошло три недели. Три недели в этом мире. Я больше не вздрагиваю, когда вижу своё отражение. Зелёная кожа кажется нормальной. Клыки – удобными. Жёлтые глаза – красивыми. Привыкание – страшная вещь. Человек ко всему привыкает. Даже к тому, что сам однажды проснулся орчихой».

«Сегодня была с Дроком. Мы не занимались сексом – просто лежали и смотрели на звёзды через дыру в крыше. Он рассказал мне, что его отец погиб на войне, когда ему было десять. Мать ушла через год – не умерла, именно ушла, в другой клан, с другим орком. Дрок остался один. С десяти лет сам. Охота, лес, выживание».

«Я спросила: „Ты злишься на мать?“ Он сказал: „Нет. Она имела право“. Я не понимаю такого. В моём мире матери, которые бросают детей, – плохие матери. Здесь – иначе. Здесь дети принадлежат клану. Мать может уйти, и никто не осудит. Странно. Дико. Но если вдуматься – честно. Лучше уйти, чем остаться и ненавидеть».

«Брок подарил мне заячью лапку. Сказал – на удачу. Я не верю в удачу, но лапку оставила. Она лежит на алтаре, рядом с дарами прежней Зарги. Интересно, что бы она сказала, если бы увидела, как я живу в её теле? Может, ничего. Может, она уже знала, что уйдёт, и оставит тело мне».

«Рагх испёк новые лепёшки. С тмином. В Москве я не любила тмин. Здесь – полюбила. Может быть, дело в пекаре. Рагх – хороший. С ним спокойно. Он не задаёт вопросов. Он просто рад, что я пришла. Это подкупает».

«Тарг научил меня плести сети. Мы сидели у реки три часа, и он почти не говорил – только показывал. У него удивительные руки: большие, грубые, но движения точные, как у хирурга. Я сказала ему об этом. Он не знает, кто такой хирург. Я объяснила – он кивнул. Кажется, понял».

«Крату говорит, что я „вошла во вкус“. Может быть. Но дело не во вкусе. Дело в том, что здесь секс – не событие. Здесь это – часть жизни. Как еда. Как сон. Как тренировка. Когда ты перестаёшь делать из этого событие, оно перестаёт давить. Перестаёт быть „тем самым“. Становится просто – жизнью».

«И ещё. Здесь никто не врёт. Если орк хочет – он говорит. Если орчиха не хочет – она говорит „нар'ши“, и он отступает. Всё. Никаких игр, никаких намёков, никаких „ты должна догадаться“. Я всю жизнь в Москве мучилась от того, что мужчины не говорят прямо, а женщины вынуждены расшифровывать их сигналы. Здесь этого нет. Здесь честность – базовая настройка. Не потому, что орки высокодуховные. А потому, что им лень врать. И это прекрасно».

«Кто я теперь? Алекс или Зарга?»

Я остановилась. Перечитала последнюю строчку. Взяла перо, обмакнула в чернила и дописала:

«Я – и то, и другое. Я – мост. Я – человек, который стал орком. Я – дизайнер, который учится воевать. Я – москвичка, которая спит под шкурами и ест руками. Я – голос в дневнике, который никто не прочитает. И этого достаточно. Сегодня – достаточно. А завтра посмотрим».

Я закрыла тетрадь. В доме было тихо – только огонь потрескивал в очаге. За стенами лагерь затихал, устраиваясь на ночь. Я легла, но сон не пришёл: мысли цеплялись за каждую строку, как репы за шерсть.

О свободе.

В Москве я считала себя свободной. У меня была работа, квартира, возможность голосовать на выборах и говорить что угодно в соцсетях. Но была ли я свободна по-настоящему? Я боялась осуждения. Боялась «что подумают люди». Боялась быть не такой, как надо. Я подстраивала свою жизнь под невидимые стандарты – «успешная женщина», «хорошая дочь», «перспективная невеста», – и даже не замечала этого.

Здесь нет таких стандартов. Здесь есть правила – жёсткие, ясные, касающиеся выживания и чести. Но внутри этих правил – огромная свобода. Свобода быть собой. Свобода хотеть или не хотеть. Свобода выбирать – и не объяснять выбор.

Может быть, в этом и есть моё «незаконченное дело»? Может быть, я должна была научиться свободе – настоящей, не бумажной, – чтобы потом... что?

Я не знала. Но вопрос уже не пугал.

Я заснула. И мне приснилось, что я стою на московском перекрёстке, а светофор горит зелёным. И я иду – через дорогу, в лес, в новый мир, в новую жизнь. И никто меня не держит.

Глава 16. ТАТУИРОВКА

– Тебе нужна новая татуировка, – заявила Крату однажды утром.

Мы сидели у реки – я плела сеть под руководством Тарга, она перебирала травы. Тарг, услышав её слова, кивнул.

– Зачем? – спросила я.

– Ты уже не та Зарга, что была раньше. Старые татуировки – старые заслуги. А у тебя новые. – Крату отложила пучок сушёных листьев. – Ты охотилась с Дроком. Ты убила кабана – сама, между прочим. Ты работаешь в кузнице. Ты... ну, ты вообще другая. Новая Зарга должна носить новые знаки.

– Это традиция? – уточнила я.

– Это уважение, – сказал Тарг своим медленным голосом. – Татуировка говорит: «Я признаю, кем стала». Не кем была. Кем стала.

Я задумалась. В этом был смысл. Прежняя Зарга носила знак охотницы и какие-то ещё символы, которых я не понимала. Но они были её – не мои. Я прожила в этом теле почти месяц, но всё ещё ощущала его как унаследованное. Может быть, если я нанесу себе свой знак – что-то изменится?

– Хорошо, – сказала я. – Что нужно делать?

Ритуал назначили на следующий вечер. Крату объяснила мне, что татуировку наносит мастер – старая Граша, та самая, которая знала травы от всех болезней и, как оказалось, ещё умела обращаться с костяными иглами. Процесс был долгим и болезненным: орочья кожа плотная, краска впитывается плохо, поэтому иглы вгоняли глубоко и в несколько проходов.

– Будет больно, – предупредила Крату. – Даже для орка. Но ты справишься.

Я пришла к дому Граши на закате. Старая орчиха ждала меня у очага – маленькая, сгорбленная, но с удивительно ясными глазами и твёрдыми руками. Она усадила меня на шкуру перед огнём, велела раздеться до пояса и долго рассматривала мои старые татуировки.

– Эти – не твои, – сказала она наконец.

– Не мои, – согласилась я.

– Ты хочешь новые? Или перекрыть старые?

– Я... не знаю. А что лучше?

Граша прищурилась. В её глазах мелькнул огонь – не злой, а скорее испытующий.

– Старые татуировки – это память. Зарга, которая была до тебя, заслужила их. Если ты сотрёшь их – ты сотрёшь её. Ты готова?

Я задумалась. Прежняя Зарга была мне никем. Я не знала её. Но она дала мне тело – пусть не по своей воле, но всё же. И она заслужила свои знаки. Стирать их казалось... неблагодарным.

– Я не буду стирать старые, – сказала я. – Пусть останутся. Но я хочу новую.

– Какую?

Я не готовилась к этому вопросу. Но ответ пришёл сам – изнутри, из глубины, где жила новая я.

– Знак воина, – сказала я.

Граша подняла брови. Крату, которая сидела в углу, тихо ахнула.

– Ты не воин, – сказала Граша.

– Пока нет. Но я иду к этому.

Старуха прищурилась, будто проверяла меня на прочность, и кивнула – медленно, уважительно.

– Это сильный выбор, – сказала она. – Знак воина – не просто рисунок. Это обязательство. Если ты возьмёшь его – ты должна будешь его оправдать. Или он сожжёт тебя.

– Я готова.

Граша взяла иглы.

Было больно.

Крату не преувеличивала. Иглы входили в кожу глубоко – я чувствовала каждый укол, каждую каплю краски, уходящую под кожу. Граша работала молча, сосредоточенно, и её маленькие руки двигались с точностью автомата. Я смотрела в огонь и старалась дышать ровно.

Боль была не просто физической. Она была... очищающей. Как будто каждый укол иглы выбивал из меня остатки старой жизни. Москва. Институт. Квартира. Кошка Сметана. Антон. Заказчица с её оттенками бежевого. Всё это уходило – с каждым уколом, с каждой каплей крови, выступавшей на зелёной коже.

Я – Зарга. Я – орчиха. Я – будущий воин клана Грош'Фанг.

Через три часа всё было кончено. Граша протёрла татуировку травяным настоем, от которого кожу защипало, и сказала:

– Готово. Смотри.

Я опустила глаза.

На правом плече – там, где раньше была чистая кожа, – теперь темнел клык. Стилизованный, угловатый, вписанный в сложный геометрический узор. Он был меньше, чем у Нарга – знак новичка, не ветерана, – но он был мой. Мой собственный.

– Красиво, – сказала я.

– Заживёт через три дня, – сказала Граша. – Не мочи. Не чеши. Если воспалится – придёшь, дам мазь.

Я кивнула, оделась и вышла в ночь. Крату шла рядом, молчала – редкий для неё случай.

У дома меня ждал Горш.

Он стоял, прислонившись к столбу, и смотрел на меня. Я подошла ближе. Огонь в его жёлтых глазах то вспыхивал, то затухал – как будто внутри него шла борьба.

– Я слышал, – сказал он. – Татуировка воина.

– Да. – Я отодвинула рукав туники, показала плечо.

Горш протянул руку – огромную, мозолистую – и почти коснулся кончиками пальцев краёв татуировки, не задевая саму рану.

– Та Зарга боялась боли, – сказал он тихо.

– Я знаю.

– Ты – не она. – Он поднял глаза. – Я знал, что ты стала другой. С того первого дня, когда нашёл тебя в лесу. Ты говорила как она. Двигалась почти как она. Но взгляд был чужой.

– Почему ты не сказал?

– А что бы это изменило? – Он убрал руку. – Ты – в этом теле. Ты – моя сестра. Остальное – ветер.

У меня перехватило горло. Я вспомнила слова Крату: «У нас в клане не важно, откуда ты пришла. Важно, кто ты сейчас».

– Горш...

– Не надо, – перебил он. – Не объясняй. Я не Урга. Я не хочу знать, откуда ты и как сюда попала. Мне достаточно того, что ты здесь. – Горш сжал кулак так, что костяшки побелели. – Я ушёл из воинов пять лет назад. Думал, что навсегда. Но теперь ты идёшь туда. И я не смогу тебя защитить.

– Я не прошу защиты.

– Знаю. – Он криво усмехнулся. За всё время, что я его знала, такая усмешка почти считалась чудом. – Поэтому ты и справишься.

Он развернулся и ушёл в темноту – огромная тень, которая растворялась во мраке. А я осталась стоять у дома, прижимая ладонь к горящей татуировке, и думала.

О Горше, который потерял важную вещь пять лет назад – и не говорит, что именно. О Дроке, который принял меня без вопросов. О Крату, которая стала мне ближе, чем многие

люди за всю жизнь в Москве. О клане, который стал семьёй – странной, зелёной, клыкастой, но семьёй.

И о том, что утром я пойду к Наргу – и попрошусь в воины.

Плечо болело. Но это была хорошая боль. Боль, которая говорила: «Ты сделала выбор. Теперь иди до конца».

Я вошла в дом, легла на меха и уснула с улыбкой на лице – не потому, что всё было хорошо, а потому, что всё было правильно.

Глава 17. ПРЕСЫЩЕНИЕ

Это случилось незаметно.

Я не проснулась однажды утром с мыслью «всё, хватит». Не было момента озарения, яркой вспышки, драматического жеста. Просто однажды вечером ко мне постучался Тарг – он делал это раз в несколько дней, молча, спокойно, – и я, как обычно, впустила его. Мы лежали на мехах, делали то, что делали всегда, и вдруг я поняла: мне скучно.

Не плохо. Не больно. Не неприятно. Просто – скучно. Как если бы я ела одно и то же блюдо десятый раз подряд, и вкус уже не чувствуется, и текстура не радует, и вообще хочется чего-то другого. Или ничего не хочется.

Тарг, как всегда, был нежен и внимателен. Он не заслужил моей скуки. Я ничего ему не сказала – просто довела всё до конца, а потом лежала и смотрела в потолок. Он, кажется, что-то почувствовал – потому что спросил своим медленным голосом:

– Что-то не так?

– Нет, – соврала я. – Просто устала.

– Отдохни. – Он коснулся моего плеча – лёгким, почти невесомым жестом, – и заснул.

А я лежала без сна, и в голове крутилась одна и та же мысль: «Что-то не так».

На следующий день пришёл Брок – весёлый, шумный, с очередной историей про охоту. Я смеялась над его шутками, отвечала на прикосновения, но внутри было пусто. Тело отзывалось – оно было здоровым, молодым, сильным, – но сознания в этом отклике почти не было. Механика. Физика. Ничего больше.

Я проводила Брока и села у очага. Достала дневник. Написала:

«Месяц. Месяц я живу так, как живут орки: открыто, честно, без оглядки. И всё было хорошо – правда хорошо, я не притворялась. Но сегодня я поймала себя на том, что делаю это механически. Как еду, которую жуёшь, не чувствуя вкуса. Как воду, которую пьёшь, не чувствуя жажды. Тело довольно – но та часть меня, которая пишет эти строки, не здесь. Я будто стою в стороне, наблюдаю, как моё тело живёт своей жизнью, и жду, когда это кончится».

«Что изменилось? Может быть, ничего. Может быть, я просто насытилась. Как после долгого голода – сначала ешь и не можешь остановиться, а потом понимаешь, что больше не лезет. Я наелась. Теперь мне нужна другая сила».

«Только вот что?»

Я отложила перо. Вопрос повис в воздухе, как дым от очага. Что другое? Я не знала. Знала только, что больше не хочу того, что есть сейчас.

Утром я отказала Рагху.

Он пришёл с лепёшками – тёплыми, пахнущими травами и мёдом. Я взяла лепёшки, а когда он сделал шаг ближе, положила ладонь ему на грудь и сказала:

– Нет. Не сегодня.

– Нар'ши? – уточнил он.

– Нет. Просто... не сейчас.

Рагх кивнул. Он не обиделся – я видела по глазам, что не обиделся, – но что-то в его лице дрогнуло. Не разочарование. Скорее – понимание. Как будто он ждал этого.

– Ты меняешься, – сказал он.

– Меняюсь?

– Ты была как голодный зверь, который дорвался до еды. А теперь ты как зверь, который наелся и ищет, чем заняться. – Он криво усмехнулся. – Я не знаю, что ты найдёшь. Но лепёшки я буду носить всё равно.

Он ушёл, а я осталась стоять с тёплым свёртком в руках и глупой улыбкой на лице. В его словах была правда. Я действительно наелась. Теперь мне нужно было понять, чем заняться.

По дороге к Дроку я задержалась у тренировочной площадки. Там уже не тренировались – вечер был слишком поздний, – но двое воинов остались на утоптанной земле. Гротх и высокая орчиха по имени Лура. Днём она сбивала новобранцев с ног древком копья, а сейчас стояла перед ним босая, с распущенными волосами и смехом, от которого у костра оборачивались.

– Нар'ши? – спросил Гротх, хватая её за пояс и притягивая к себе.

– Попробуй – и узнаешь, – ответила она.

Это не было нежностью. Он развернул её к столбу навеса, прижал грудью к дереву, и она сама упёрлась в столб ладонями, сама расставила ноги, сама бросила через плечо короткое злое слово, от которого несколько воинов у костра заржали. Его рука легла ей на затылок – властно, тяжело, но не унижая. Лура выгнулась и рассмеялась, когда он вошёл в неё резко, без красивых подготовительных жестов, как входят в бой, где оба знают правила.

Я должна была отвернуться. В московской голове поднялся привычный стыд: чужие люди, открыто, слишком грубо. Но тело Зарги смотрело иначе. Оно слышало не непристойность, а договор. В каждом движении была сила, в каждом рывке – ответ. Лура не терпела. Она брала своё так же жадно, как Гротх брал её, и когда сказала «крепче», он подчинился её желанию так же беспрекословно, как она – его хватке.

Вот оно, подумала я. Орочья близость. Не мягкая сказка у очага. Не человеческое при творство, что желание должно быть красивым, чтобы иметь право существовать. Здесь оно могло быть резким, шумным, властным – и всё равно оставаться честным, пока оба входили в него добровольно.

Я пошла дальше уже медленнее. После увиденного мне особенно ясно захотелось к Дроку – не потому, что он был самым сильным или самым удобным, а потому что рядом с ним я могла выбрать тело вместе с его смыслом.

Вечером я пошла к Дроку.

С ним было иначе – с ним всегда было иначе. Мы не занимались сексом в тот вечер. Мы сидели у его очага, и я рассказывала ему о Москве.

О метро, которое гудит под землёй, перевозя миллионы людей. О домах, которые уходят в небо на сотни метров. О телефонах – маленьких пластинках, которые позволяют говорить с кем угодно на другом конце мира. О самолётах, которые летают быстрее звука. О супермаркетах, где еда лежит на полках в любое время года.

Дрок слушал молча. Иногда задавал вопросы – точные, неожиданные: «Как вы добываете еду, если не охотитесь?», «Кто защищает ваш народ, если нет клана?», «Почему вы живёте в одиночку, а не вместе?». Я отвечала как могла.

– У вас странный мир, – сказал он наконец. – Много вещей. Мало прикосновений.

– Да, – согласилась я. – Пожалуй, так.

– Ты скучаешь по нему?

Я задумалась. Скучаю ли я? По маме – да. По кошке – немного. По горячему душу и кофе с круассаном – иногда. Но по миру в целом? По его суете, одиночеству, бесконечной гонке за тем, что тебе на самом деле не нужно?

– Нет, – сказала я. – Не скучаю. Я скучаю по людям, но не по миру.

– Это честно. – Дрок подкинул в очаг сухую щепку и дождался, пока она займётся. – Ты поэтому перестала?

– Что перестала?

– Принимать предложения. – Он посмотрел на меня своими тёмными глазами. – Я слышал. Тарг сказал, ты была рассеянной. Рагх – что ты отказала. Брок – что ты смеялась, но как-то не так.

– У вас тут всё становится известно мгновенно, – проворчала я.

– Клан – это семья. Семьи знают всё. – Он чуть улыбнулся. – Так почему?

Я вздохнула.

– Потому что я наелась. Как ты сказал – я была голодной, а теперь смотрю по сторонам. Мне нужно что-то ещё. Не знаю, что именно. Но что-то.

Дрок кивнул. Он не стал давать советы. Не стал говорить «найди гор'ра» или «роди ребёнка». Он просто взял мою руку в свои – шершавые, тёплые – и держал, пока огонь не начал гаснуть.

– Ты найдёшь, – сказал он. – Ты не из тех, кто останавливается.

И я поверила ему.

Глава 18. СТРАТЕГИЯ ИЗБЕГАНИЯ

На следующее утро я начала операцию «Занятость».

План был прост: если я всё время занята, ко мне не подходят. Если ко мне не подходят – мне не приходится отказывать. Если мне не приходится отказывать – я не чувствую себя виноватой за то, что мои желания изменились, а сил объяснять это каждому встречному у меня не было.

Первым пунктом плана стала кузница. Я пришла к Торгу на рассвете и сказала, что хочу работать полный день. Торг хмыкнул, оглядел меня и сказал:

– Раньше тебя приходилось заставлять. Теперь сама просишься. Что случилось?

– Ничего. Просто хочу работать.

– Врёшь, – сказал он беззлобно. – Но работа есть. Бери молот.

Я брала молот. С утра до полудня. Потом бежала к Крату – помогать с травами. Потом – к Таргу, плести сети (он не делал предложений – он вообще редко что-то делал, кроме плетения). Потом – на охоту с Горшем, который соглашался брать меня с собой в лес и молчал всю дорогу. Потом – к общему костру, но ненадолго: я сидела рядом с Горшем, который служил живым щитом, и уходила, как только кто-то из «соискателей» начинал двигаться в мою сторону.

Крату, конечно, заметила. Она всегда всё замечала.

– Ты избегаешь их, – сказала она на третий день, когда мы сидели в сушильне и перебирали пучки каких-то душистых кореньев.

– Ничего я не избегаю, – возразила я.

– Избегаешь. Ты уже три дня ни с кем не спишь. – Она подняла бровь. – Это рекорд.

– Может, я просто устала.

– Может. А может, ты думаешь о чём-то другом. – Она отложила коренья и посмотрела на меня прямо. – Что случилось? Дрок обидел? Рагх надоел? Брок слишком шумный?

– Никто меня не обидел. – Я вздохнула. – Просто... я не знаю, как объяснить. Я чувствую, что мне нужно остановиться. Как будто я бежала, бежала, а теперь хочу идти пешком.

Крату чуть наклонила голову, будто наконец поняла то, что я сама ещё не успела произнести. Потом кивнула.

– Бывает. У меня так было год назад. После трёх шаг'ра подряд я поняла, что больше не хочу. Просто не хочу. И год не подходила ни к кому.

– Год?!

– Ну да. А что такого? – Она пожала плечами. – Тело просило, но я говорила «нет». Это неудобно, но возможно. Как ты сказала – идти пешком вместо того, чтобы бежать.

– И что потом?

– Потом прошло. – Она улыбнулась. – Я встретила Грона – ну, того охотника, – и вдруг снова захотела. Не как раньше – просто потому что тело просит, – а потому что он. Понимаешь?

Я понимала. Именно так у меня было с Дроком. Именно этого мне не хватало сейчас – смысла, а не процесса.

– Так что не мучай себя, – продолжила Крату. – Если не хочешь – не спи. Никто не умрёт. Клан переживёт. А если кто-то будет слишком настойчив – скажи «нар'ши». Или пошли Горша. Он с радостью.

Я усмехнулась. Горш действительно с радостью – я уже пару раз ловила его взгляд, когда кто-то из молодых орков подходил ближе, чем нужно. Он ничего не говорил, но его присутствие действовало как охранная сигнализация.

Вечером того же дня я столкнулась с Броком у кузницы. Он улыбнулся своей обычной открытой улыбкой, но в глазах мелькнула новая тяжесть – осторожность, что ли.

– Зарга, – сказал он. – Ты какая-то... другая последние дни.

– Все говорят, – вздохнула я.

– Потому что это правда. – Он прислонился к столбу. – Я хотел спросить: я что-то сделал не так?

– Нет, Брок. Ты всё делал правильно.

– Тогда почему ты больше не приходишь?

Брок был хорошим – правда, хорошим. Молодым, весёлым, честным. И он заслуживал честного ответа.

– Потому что я изменилась, – сказала я. – Не ты. Я. Мне нужно подумать. О том, кто я и чего хочу.

– И секс тебе в этом мешает?

– Не мешает. Но и не помогает.

Он кивнул – медленно, как будто переваривая услышанное.

– Это по-орочьи или по-человечески? – спросил он вдруг.

Я замерла.

– Что?

– Крату говорила, что ты, может быть, из другого мира. Я не знаю, правда это или нет. Но ты иногда думаешь как человек. – Он будто стёр с лица лишнее выражение. – Мне всё равно. Но если тебе нужно время – я подожду.

– Спасибо, – сказала я искренне.

– Не за что. – Он улыбнулся. – Я всё равно никуда не уйду.

И ушёл – легко, насвистывая, как будто ничего не случилось. А я осталась стоять у кузницы и думать о том, что Крату проболталась. Или не проболталась – может быть, она специально разбросала намёки, чтобы подготовить почву. В любом случае, Брок отреагировал лучше, чем я ожидала.

Операция «Занятость» продолжалась ещё неделю. Я работала в кузнице, помогала Крату, плела сети с Таргом, ходила на охоту с Горшем. Вечерами сидела у очага с дневником или приходила к Дроку – просто поговорить. Предложения продолжали поступать, но реже – кажется, слух о том, что Зарга «взяла паузу», уже разнёсся по клану.

И где-то среди этой новой, спокойной жизни я начала понимать, чего хочу.

Не секса. Не отношений. Не семьи – пока. Я хотела цели. Я хотела делать что-то, что имело бы значение для меня и для клана. Я хотела стать воином.

Эта мысль, которую я впервые озвучила при нанесении татуировки, теперь оформилась окончательно. Воин – это не просто роль. Это смысл. Это путь, на котором каждый шаг имеет значение.

Я подошла к Горшу после охоты и сказала:

– Я решила. Я иду к Наргу.

Он не ответил сразу. Потом сказал:

– Я знал, что ты это скажешь. Рано или поздно.

– Ты против?

– Я не могу быть против. Ты – не та Зарга, которую я защищал раньше. Та Зарга не хотела воевать. – Горш опустил взгляд на свои большие руки. – Но ты – ты хочешь. И я не могу это отнять.

– Спасибо.

– Не благодари. – Он отвернулся. – Просто возвращайся живой.

Я пошла к дому Нарга на закате.

У штабного шатра горел свет. Я не собиралась подслушивать – просто проходила мимо, но услышала чужой голос и замедлила шаг.

–...на восточном тракте людьми командует Кайрус, – говорил гонец. – С ним молодой капитан. Сероглазый. Солдаты зовут его Таннером. Станный человек: казнить не любит, пленных считает по спискам, за мародёрство бьёт своих же.

– Добрый человек на войне долго не живёт, – ответил Нарг.

– Может, не добрый. Может, умный.

Я пошла дальше, но имя зацепилось за память, как репей за шерсть. Таннер. Сероглазый капитан, который не любит казни. Тогда это ничего не значило. Просто слух, случайно подслушанный на пути к решению, которое казалось самым важным в моей новой жизни.

Глава 19. РАЗГОВОР С ВОЖДЁМ

Нарг стоял на тренировочной площадке, когда я подошла, и метал копьё в деревянный щит. Копьё входило глубоко, с глухим стуком, раскалывая доски. Он выдернул его одним движением и только потом обернулся.

– Зарга, – сказал он. – Я ждал тебя.

– Ждал?

– Татуировка воина. – Он кивнул на моё плечо. – Граша сказала мне. Ты не делаешь такие вещи просто так.

– Да, – подтвердила я. – Я хочу вступить в воины.

Нарг оглядел меня с головы до ног – оценивающе, как тогда на совете. Потом воткнул копьё в землю и скрестил руки на груди.

– Почему?

– Потому что я хочу быть полезной клану. Потому что я сильная. Потому что война идёт, и я не хочу сидеть в тылу.

– Война идёт, – согласился он. – Но этого недостаточно. Многие хотят быть воинами. Немногие становятся.

– Я готова пройти испытания.

В его холодных серо-зелёных глазах что-то решалось. Потом он сказал:

– Я не люблю женщин в отряде. Не потому что они слабые – некоторые сильнее мужчин. Потому что на них отвлекаются. Потому что если женщина ранена – мужчины теряют голову. Потому что если женщина убита – мужчины мстят безрассудно. Женщина в отряде – это дополнительный фактор риска.

– Понимаю.

– Но, – продолжил он, – Урга была воином. И стала вождём. И никто не скажет, что она была обузой. – Он развернулся и пошёл к своему дому. – Завтра на рассвете. Площадка. Опоздаешь – не приходишь вообще.

– Я приду, – сказала я в его спину.

Утром я пришла раньше рассвета.

Площадка была пуста – только Нарг стоял в центре, скрестив руки, как вчера. Рядом с ним лежали деревянные мечи, копьё с тупыми наконечниками и щиты.

– Испытание первое, – сказал он без предисловий. – Поединок.

Он бросил мне деревянный меч. Я поймала его на лету – тело сработало быстрее разума.

– Против кого?

– Против меня.

Нарг взял свой меч – такой же деревянный, но в его руках он выглядел опаснее стального. Мы встали в центре площадки. Вокруг начали собираться зеваки – весть о том, что Зарга проходит испытание, разнеслась быстро. Я заметила Крату, которая прижимала руки к груди. Горша – он стоял поодаль, напряжённый, как натянутая тетива. Дрока – он кивнул мне едва заметно.

– Начали, – сказал Нарг.

И бросился на меня.

Это был не учебный бой. Нарг не поддавался. Его меч свистел в воздухе – тяжёлый, быстрый, каждый удар мог бы переломать кости, если бы достиг цели. Я уворачивалась, блокировала, отступала. Тело вспоминало – нет, не память прежней Зарги, а что-то более древнее, зашитое в мышцах. Инстинкт. Реакция. Я не думала – я двигалась.

Мы бились, наверное, пять минут. Для боя это много. Я пропустила несколько ударов – в плечо, в бедро, в рёбра. Боль была настоящей, острой, но я не останавливалась. Один раз я упала – Нарг занёс меч для финального удара, но я перекатилась и вскочила, и он не успел.

В конце концов он выбил меч из моих рук. Я стояла, тяжело дыша, с пустыми ладонями, но на ногах.

Нарг опустил оружие.

– Долго, – сказал он. – Дольше, чем я ожидал.

– Я прошла?

– Первое испытание – да. – Он воткнул меч в землю. – Второе – охота. Одна. Принесёшь трофей. Через три дня.

– Какой трофей?

– Любой зверь крупнее тебя. Или быстрее. Или опаснее. Сама решишь.

Я кивнула. Нарг развернулся и ушёл, а ко мне бросилась Крату.

– Ты с ума сошла! – закричала она, но глаза её сияли. – Ты дралась с Наргом! С самим Наргом! И устояла!

– Еле-еле, – призналась я, ощупывая рёбра. Там наливался синяк.

– Это не важно! Важно, что ты не сдалась! – Она обняла меня, а потом тут же отёрнулась.

– Ой, у тебя кровь.

– Царапина.

– Царапина! – Она покачала головой. – Пойдём, обработаю.

Через три дня я ушла в лес.

Одна.

Это было странное чувство. Впервые за всё время в Аргароте я осталась наедине с миром – без Горша, без Дрока, без Крату. Только лес и я. Лес, который мог убить. И я, которая должна была убить.

Я выбрала цель быстро. На восточном склоне, в болотистой низине, водились твари, которых орки называли «шипастыми спинами», – что-то среднее между вараном и крокодилом, но с костяным гребнем вдоль хребта. Опасные. Быстрые. И крупнее меня.

Я выслеживала его два часа. Потом ударила копьём – одним точным броском, как учил Горш. Зверь взревел, развернулся, бросился на меня. Я не отступила. Добила ножом, как тогда кабана, только теперь одна, без страховки.

Когда всё кончилось, я сидела на земле рядом с тушей и пыталась отдышаться. Руки дрожали. Сердце колотилось. Но под этой дрожью было ликование. Чистое, звериное, настоящее.

Я сделала это. Я сама.

Я вернулась в лагерь с трофеем – пластиной костяного гребня, вырезанной из спины зверя. Нарг осмотрел её, кивнул и сказал:

– Второе испытание пройдено. Третье – завтра. Ночное бдение. Лес, ночь, без оружия. Если до рассвета не сбежишь – будешь воином.

И я не сбежала.

Ночь в лесу была самой долгой в моей жизни. Без оружия, без огня, без товарищей. Только я, темнота и звуки. Шорохи, вой, чьи-то шаги в чаще. Несколько раз я была уверена, что кто-то подходит, – и каждый раз оставалась на месте. Страх накатывал волнами – и отступал. Я поняла тогда: смелость – это не отсутствие страха. Это решение остаться, когда страшно.

На рассвете я вышла из леса. Нарг ждал у ворот.

– Ты прошла, – сказал он.

И впервые за всё время, что я его знала, он улыбнулся.

Глава 20. ДРОК СНОВА

Вечером после бдения я пошла к Дроку.

Он ждал меня не у своего дома, а у реки, на том месте, где мы часто сидели после охоты. Солнце садилось за лес, окрашивая воду в розовый и золотой. Я села рядом, и клык шипастой спины, привязанный к моему поясу, тихо стукнул о ножны.

– Ты знал? – спросила я.

– Знал, что ты пройдёшь. – Он не обернулся. – Знал, что придёшь.

– Ты не выходил смотреть.

– Выходил, – сказал он после паузы. – Стоял дальше всех. Если бы ты увидела меня, стала бы думать не о лесе.

Я хотела возразить, но не стала. Он был прав.

Река текла, шумела на перекатах. За деревьями перекликались ночные птицы. После леса, после страха, после слов Нарга «ты прошла» всё казалось чуть нереальным, будто мир ждал, пока я привыкну к новой коже.

– Завтра ритуал, – сказала я.

– Знаю.

– Потом казарма. Потом отряд. Потом фронт, если Урга даст приказ.

Дрок взял камешек, покатал между пальцами и бросил в воду. Круги разошлись по поверхности, быстро сломались на течениях.

– Я не воин, – сказал он. – Я охотник. Моё место здесь.

– Я знаю.

– Но я хочу, чтобы ты знала: если вернёшься, я буду здесь. Не как цепь. Не как обещание, за которое ты должна держаться. Просто здесь.

Он повернулся ко мне полностью. В его тёмных глазах было то спокойствие, которое всегда раздражало и спасало меня одновременно.

– Как шаг'ра? – спросила я, пытаюсь улыбнуться.

– Как угодно. Как друг. Как гор'ра, если когда-нибудь захочешь. Как тот, кто помнит, какой ты была до войны.

– До войны я была дизайнером из Москвы.

– Нет, – сказал он. – До войны ты была Заргой, которая училась снова дышать. Это тоже надо кому-то помнить.

Он понизил голос:

– И ещё. Если дорога однажды уведёт тебя туда, где я не смогу идти рядом, скажи мне честно. Не из жалости. Не после. Честно.

– Ты сейчас про фронт?

– Про всё, – сказал Дрок. – Про войну. Про твою другую жизнь. Про того, кто может встретиться на дороге. Я охотник, Зарга. Я знаю: нельзя удержать зверя старым следом, если он уже ушёл в другой лес.

Я хотела возразить, что никакого «того» не будет, что мне хватает сложностей и без чужих пророчеств. Но почему-то промолчала. Может быть, потому что Дрок не пророчил. Он просто видел дальше, чем я хотела смотреть.

У меня перехватило горло. Ответ не складывался. В Москве такие разговоры превращали бы в признание, в статус, в вопрос «кто мы друг другу». Здесь Дрок ничего не требовал. И от этого становилось труднее.

Он достал из-за пазухи свёрток из мягкой кожи и протянул мне. Внутри лежал клык – звериный, изогнутый, с дырочкой для шнура. Тот самый кабан. Первая охота. Первая победа.

– Ты сохранил его?

– Обработал. Носи. Первая победа важна. Особенно когда впереди будут такие, о которых захочется забыть.

Я надела амулет на шею. Клык лёг в ямку между ключицами, тяжёлый и тёплый.

– Спасибо. – За всё.

– Не благодари так, будто прощаешься навсегда.

– Я не хочу прощаться.

– Тогда не прощайся.

Мы сидели рядом, пока солнце окончательно не ушло за лес. Я думала о том, что Дрок – не случайная остановка на пути к чему-то большему. Не ошибка. Не утешение. Он был частью этого мира, которая первой не стала спрашивать, кто из нас настоящая: Зарга или Алекс. Он просто смотрел и видел обеих.

И всё же где-то глубже, под теплом его присутствия, жила другая тревога. Та самая, что пришла ко мне в темноте между мирами: я здесь не ради одного клана. Не ради одного тела. Не ради одной любви, какой бы она ни была.

Я была здесь зачем-то ещё.

– Ты знаешь, что я не могу обещать тебе возвращение той же женщиной?

Он посмотрел на воду, потом на меня. Вечер делал его лицо мягче, но не слабее.

– Я и не прошу.

– А если я вернусь и пойму, что дорога ушла дальше? Что ты был не концом, а тем местом, где я перестала бояться идти?

Дрок долго крутил между пальцами плоский речной камень. Потом положил его мне на ладонь.

– Тогда я буду тем местом. Не каждый огонь обязан стать домом. Иногда он нужен, чтобы ты увидела тропу.

Слова ударили сильнее, чем ревность. Я ожидала просьбы, упрёка, орочьей прямооты: будь моей, выбери, останься. А он дал мне свободу раньше, чем я решилась её попросить.

– Ты слишком хороший для этой войны, – сказала я.

– Нет. Просто я охотник. Если птицу держать в кулаке, она умирает. Если выпустить – может не вернуться. Но тогда хотя бы будет лететь.

Я сжала камень. В этот миг он был мне дорог так сильно, что больно стало дышать. Не как дорога, по которой я пойду до конца. Как берег, от которого можно оттолкнуться, не отрекаясь от воды.

– Скажи прямо, Зарга.

Мне стало жарко, хотя от реки тянуло вечерним холодом.

– Я хочу, чтобы эта ночь была моей. Не обещанием. Не клятвой. Не поводком. Просто моей.

Он медленно разжал мои пальцы, но не отпустил. Перехватил ладонь и прижал к своей груди, туда, где под кожей глухо и сильно билось сердце.

– Орки не берут прощание нежно, – сказал он низко. – Мы берём его так, чтобы тело потом помнило, что жило.

– Я не просила нежно.

Это было последнее человеческое слово в этой ночи. Всё остальное стало орочьим: руки, запах кожи, глухой рык у самого уха, тяжесть тела, которое не просило разрешения после моего «да», потому что разрешение уже было дано ясно и до конца.

Дрок поднял меня легко, будто я ничего не весила, и прижал спиной к тёплому стволу прибрежного дерева. Кора впилась между лопаток. Я вдохнула резко, почти зло, а он усмехнулся и наклонился к моей шее.

– Ещё можно остановиться.

– Попробуй – укушу.

– Вот теперь слышу Заргу.

Он целовал не как человек. Не осторожно, не спрашивая каждым движением, не превращая желание в красивую просьбу. Он брал мой рот властно, жёстко, с таким голодом, что у меня подкосились ноги. Я сама вцепилась ему в плечи, сама притянула ближе, сама раскрылась навстречу, потому что в орочьем теле не было места стыдливой лжи. Если оно хотело – оно хотело всем весом, всей кожей, всеми клыками.

Дрок сорвал с меня ремень, бросил на траву ножны и прижал моё запястье над головой одной ладонью. Не чтобы удержать против воли. Чтобы я почувствовала силу, которой доверилась. Вторая его рука скользнула под край одежды, грубо, уверенно, находя меня уже горячей, уже готовой, уже злой от того, как быстро тело ответило.

– Смотри на меня, – приказал он.

Я посмотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.